

Царьков О.Е.

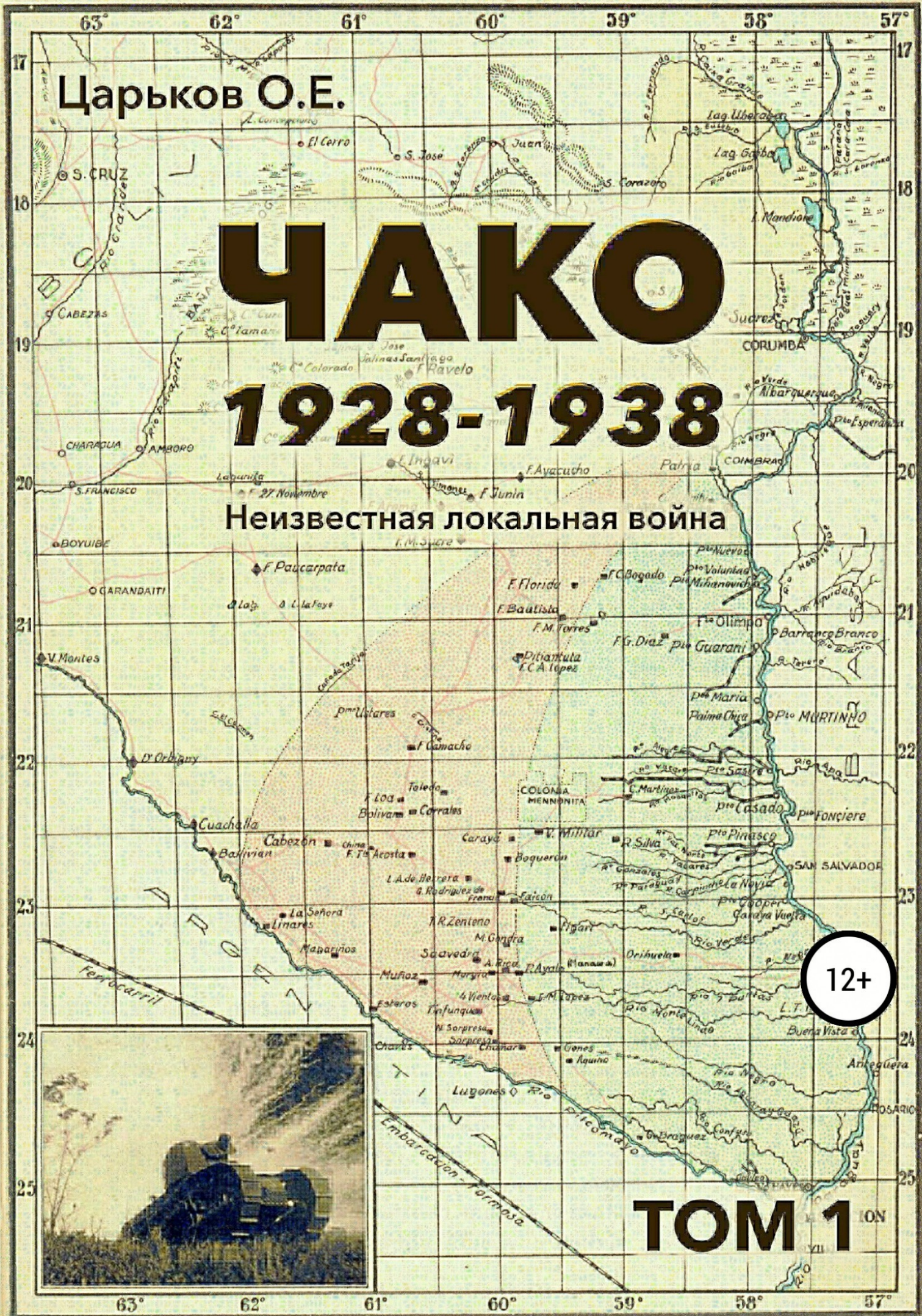
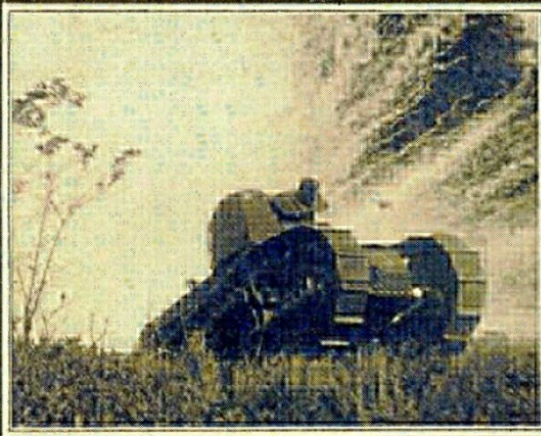
ЧАКО

1928-1938

Неизвестная локальная война

12+

ТОМ 1

Олег Царьков

**Чако, 1928-1938. Неизвестная
локальная война. Том I**

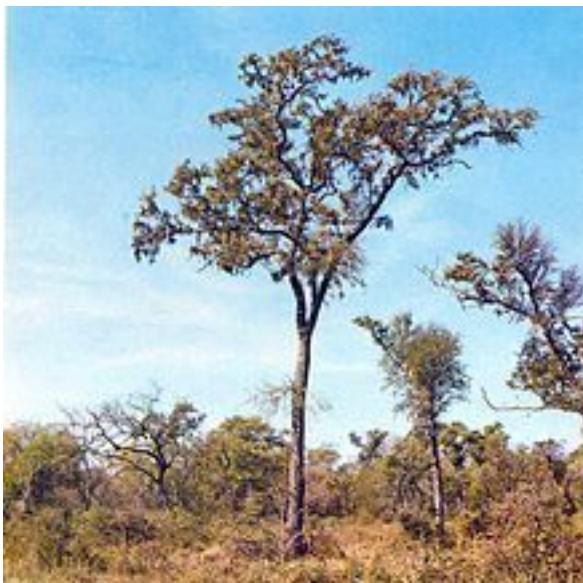
«ЛитРес: Самиздат»

2018

Царьков О. Е.

Чако, 1928-1938. Неизвестная локальная война. Том I /
О. Е. Царьков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Территориальный спор между Боливией и Парагваем уходит своими истоками к временам конкистадоров. Пограничный конфликт тянулся с момента получения независимости обеими странами. Переговоры об установлении границы между Боливией и Парагваем начались в 1879 году и безрезультатно велись сорок лет. После их провала обе стороны сделали ставку на насильственное решение проблемы, что привело к вооруженным конфликтам на границе, впоследствии, к широкомасштабной войне, во время которой погибло более 100000 человек.

Одной из главных причин территориального спора между Боливией и Парагваем было полное отсутствие данных о Гран-Чако или Чако-Бореаль. Эта обширная область расположена между Верхним Перу и королевством Ла-Плата и занимает площадь 150000 квадратных лиг (свыше 400000 квадратных километров). Делимитация границы затруднялась также тем, что в Чако отсутствуют какие-либо значительные географические объекты. Переговоры об установлении границы между Боливией и Парагваем начались в 1879 году и безрезультатно велись вплоть до 1913. Впоследствии они возобновились в 1928 году, но очень быстро зашли в тупик. Эскалация напряжённости на линии соприкосновения патрулей привяла к нагнетанию военной истерии и локальной «гонке вооружений», которые переросли в трёхлетнюю войну. Эти кровавые события были заслонены грядущей мировой катастрофой, и поэтому Чакская война осталась неизвестной мировому сообществу, несмотря на то, что она внесла определенную лепту в развитие военного искусства – массированное применение автоматического оружия. Она впервые поставила под сомнение целесообразность тактики первой мировой войны и во многом служила прообразом операций японской императорской армии в джунглях Восточной Азии. Война интересна тем, что явилась одним из этапов противостояния прусской и русской военных школ: в рядах парагвайской армии сражались белоэмигранты, а войска Боливии возглавлял немецкий генерал и бывшие офицеры Австро-Венгрии.

Долгое время эта война была забыта, но в последние десятилетия к ней был проявлен интерес со стороны российских журналистов и исследователей, апологетов Белого Движения, стали довольно часто обращаться к этой теме. Опираясь на мемуары генерала И.Т.Беляева, архивные материалы и другие источники, они стараются превознести роль белоэмигрантов в этой далёкой и никому не нужной войне. Между тем, парагвайские источники, отдавая должное героизму и вкладу русских иммигрантов, довольно скупно освещают их роль в своих архивах и мемуарах. Это объясняется не каким-то «антирусским заговором», а тем, что помимо них в рядах парагвайской армии воевали такие же эмигранты из Италии и Германии, в также их потомки. К тому же, следует заметить, что мемуары и просто записки военачальников могут служить источником информации, но с определённой оглядкой, поскольку в большей степени являются их апологией и часто подвержены влиянию политического момента. При написании данной работы использовались, в первую очередь, парагвайские и, в меньшей степени, боливийские источники: официальные документы, отчёты и, естественно, мемуары. Кроме них при

написании книги использовались американские источники: книги Зука, Фарко, Фостера и других, а также справочники и словари. Не принижая значения русских белоэмигрантов, автор постарался объективно и всесторонне изложить события той далёкой войны, а также по мере своих сил осветить их роль в ней.

Первый том описывает предысторию Чакской войны и кампании 1932 и 1933 годов.

I

.Противники

1. Т

erra bellum: Чако.

Зеленый ад. Исследование и освоение Чако. Претенденты в 1865-1888. Дипломатия: 1888-1927.

Чако на языке гуарани, основного населения Парагвая, означает «охотничье поле», и представляет собой природную область в центре Южной Америки, расположенную между 19 и 29 южной широты общей площадью около четырёхсот тысяч квадратных километров. Точная площадь равнины Чако-Бореаль составляет 300000 квадратных километра, из которых к началу конфликта часть уже была разграничена. В соответствии с результатами мирного договора 1938 года можно смело утверждать, что спорная территория из-за которой разгорелся конфликт составлял 265000 квадратных километров. Из них примерно 111000 приходилось на территорию, которую занимал Парагвай до начала конфликта. Ещё 123000 квадратных километров были получены страной во время войны, а 31500 – подлежали арбитражу.

Область Чако-Бореаль охватывает северную часть Ла-Платской низменности высотой 50-70 метров и предгорные равнины Анд, повышающиеся к западу до 500-600 метров. Субэкваториальный климат на севере Чако сменяется тропическим и далее к югу субтропическим. Средние температуры июля составляют от 12С до 21С (в среднем 19°С), а в январе достигают 26-30С (в среднем 29С). В Чако расположен южноамериканский «полюс жары» (47°С). Осадки выпадают в течение летних месяцев (с апреля по сентябрь) в небольшом количестве: от 500 мм на юго-западе до 1200 мм на северо-востоке. Континентальный характер климата увеличивается к западу.

Собственно, Чако представляет собой плоскую равнину, слегка наклоненную на восток. Это определяет хаотическое направление водных потоков, протекающих во внутренних районах и наличие больших заболоченных пространств предгорьях Анд. Речная сеть наиболее развита по краям Чако на западе и востоке, а внутренние районы лишены поверхностного стока. Большие реки, пересекающие Чако: Пилькомайо, Рио-Беремехо, Рио-Саладо транзитные, с резкими летними паводками. Например, Беремехо теряет значительную часть своих вод в болотах и заводях, называемых *эстерос*, расположенных по всему пути ее протекания через Чако. В растительности преобладают сухие редколесья (квебрахо, гуаякан, альгарробо, чаньяр, восковая пальма) на коричневых почвах, а на западе к ним добавляются ксерофитовые кустарники. Фауна Чако богата: здесь водятся пекари местной породы, бразильский тапир, гигантский муравьед, нутрии, болотный олень броненосцы-армадиллы, лягушки-быки, в южные районы заходят из пампы стада страусов – нанду и оленей пампы. Всего в Чако орнитологи насчитывают 365 видов пернатых. Это два десятка видов попугаев, туканы, чирки, дятлы, ибисы и белые цапли. Вместе с ними обитают и более неприятные животные: *мбарагуи*, тихие и невидимые, как сама смерть, громадные пауки, полчища змей и других гадов, скорпионы, тарантулы, мириады мошек и блох, муравьев и москитов. Наиболее сильно людям досаждают винчокос, летающие клопы длиной в 2 сантиметра, и *полворины*, маленькие мушки, от которых не спасает даже москитная сетка. Активность *полворин* приходится на дождливый сезон.

В местах, где сохраняется влага, буквально кишат различными видами змей, наиболее опасной из которых считается гремучая. В делях прячутся боа, волки, пумы и ягуары, а в непросохших после дождей *эстерос* таятся анаконды, кайманы и *якаре* – местная разновидность аллигатора.

Чако Бореаль (Северное Чако) представляет собой северную часть географической области Чако и охватывает территорию равную по площади Польше. Центр Чако – одно из самых негостеприимных мест на Земле. Не пустыня и не джунгли, оно совмещает в себе наихудшие черты обеих. Во время сухого сезона с марта по декабрь Чако представляет пыльные заросли высохших кустарников и редколесья, перемежающиеся с открытыми пространствами. Постоянный доступ к воде возможен только в долинах Парагвая (на востоке), Пилькомайо и Рио-Беремехо (на юге). Река Пилькомайо, ограничивающая спорную часть Чако с юга, течет с Боливийских Анд. Ее медленное, извилистое течение окаймлено высокими (от 5 до 8 метров) прирусловыми валами, затопляемыми в половодье. За ними лежат старицы и болота. На 24°30' река теряется в болоте, а затем делится на рукава. Устье реки образует дельту, непостоянную по форме и размерам. В низкую воду в нижнем течении глубина реки всего 20 сантиметров, хотя в половодье (весна) река судоходна вверх по течению на 200 километров. В дождливый сезон, особенно в апреле и мае, большая часть поверхности превращается в непролазную грязь, настоящее «море» воды, из которого поднимаются отдельные возвышенные островки. Зимой обмелевшие, пересохшие реки не достигают реки Парагвай, заканчиваясь в засоленных болотах или разбиваясь на цепочки мелководных озер.

Температурные колебания значительны, когда с Антарктики дует ветер *суразо*. В этом случае температура может упасть с 42С до 0 С. Западные области Чако, граничащие с Андами, более живописны. Они представляют собой холмистые луга и леса, орошаемые потоками, бегущими с гор. Восточная часть Чако, прилегающее к берегу реки Парагвай также более приветлива и представляет собой превосходные пастбища для выпаса крупного рогатого скота. Правый берег реки Парагвай занят песчано-глинистой равниной, представляющей почти идеальную плоскость, незаметно поднимающуюся с высоты 75 метров над уровнем океана до 300 метров на западе и северо-западе. Это – саванна с рощами восковой пальмы (*Copernicia cerifera*). С удалением от реки возрастает засушливость климата, и увеличивается проницаемость песчаных почв. Сочные луга сменяются зарослями ксерофитовых колючих кустарников и невысоких деревьев: акаций, *альгарробо* и других, чередующихся с солончаками и болотами. Особенностью ландшафта внутренних районов Чако являются открытые пространства, поросшие жесткими злаками, – *каньяды* и рощи среди них – *исла*. Наличие *каньяд* объясняется не только составом почвы, но и близостью воды. Как правило, более пышная растительность *исла*, выдает близость подпочвенных вод. По своему происхождению *исла* родственна флоридскому *хэммоку*, и представляет собой своеобразный оазис в зарослях ксерофитов. В *исле*, как правило, находится один или несколько источников пресной воды. Некоторые *каньяды* тянутся на десятки километров и достигают ширины от сотни метров до десятков километров. Из-за небольшого наклона на юго-восток *каньяды* летом превращаются в болота, медленно стекающие в Пилькомайо или Парагвай.

С военной точки зрения значительная часть Чако-Бореаль представляла собой закрытую местность и являлась очень сложным театром военных действий. Один из сподвижников Че Гевары, Вильегас так охарактеризовал эту местность:

«... Попробуйте представить себе, что из себя представляют те места: местность с очень неровным рельефом, сплошные зигзаги и холмы, соединяющиеся между собой таким образом, что, хотя мы находились всего лишь в 300, 400 или 500 метрах друг от друга, но не имели возможности разглядеть с одной позиции, что происходило на соседней...»

Пересеченность местности возрастает по мере продвижения от долины реки Парагвай в сторону Анд. Единственным более или менее удобным полем боя при таком характере ландшафта были *каньяды*, становившиеся удобным рубежом для обороны, а *ислас* превраща-

лись в своеобразные опорные пункты. Вследствие труднопроходимой местности важную роль стали играть прорубаемые войсками дороги и тропы, которые позволяли осуществлять им хоть какой-то маневр на местности. Дороги в Чако (*терраплен*) представляют собой небольшую полусферическую насыпь, огороженную с двух сторон канавами. Это делается для того, чтобы в дождливый сезон вода быстрее стекала в канавы. В этот период она проходима только для грузовых автомобилей и двухколесных парагвайских повозок. Даже такие «дороги» в Чако требуют ухода, поскольку через два-три года могут разрушиться и зарости кустарником. Далее к северу, в более засушливой местности дороги ухудшаются. В период засухи *терраплен* рассыпается, превращаясь в пыль, а выбоины, оставляемые тяжелым транспортом, за два-три месяца могут привести трассу в негодность. Поэтому дороги в Чако нуждаются в постоянном ремонте. В предгорьях Анд возможности скрытного маневра резко возросли, благодаря изменению характера растительности. Вместе с тем наличие каньонов и оврагов вызывало значительные проблемы для войск, незнакомых с местностью. Таким образом, быстрое продвижение по чакским дебрям крупных масс войск было практически невозможно.

Основным богатством растительного мира Чако, помимо пастбищ, является дерево *квебрахо*, кора которого служит сырьем для добычи дубильного экстракта – танина. Красная древесина *квебрахо* чрезвычайно тверда и немногим уступает железу. *Quebrag* – на местном диалекте испанского означает “ломать”, а *hacha* – «топор». Когда в 1947 году в Буэнос-Айресе меняли деревянную мостовую на каменную, ее торцы носили незначительные следы износа, хотя по ним за сотню лет проехали миллионы экипажей. Шпалы на железных дорогах Аргентины и Парагвая никогда не меняются по той же причине – они сделаны из древесины *квебрахо* (произносится как *кебрачо*). Для рубки этих деревьев необходима специальная сталь – простой топор быстро тупится. Кроме своей большой прочности *квебрахо* обладает другим свойством – оно чрезвычайно тяжело и не годится для постройки судов, хотя практически не гниет. Тридцатитонная железнодорожная платформа может принять только 3-4 бревна этой породы.

Помимо физико-географических факторов, затрудняющих освоение Чако, к ним добавились экономико-демографические. Аборигены Чако – дюжина племен, наиболее многочисленными из которых являются *тоба*, *нивакле*, *ленгва*, упоминаются еще австрийским иезуитом Мартином Добрицхоффером. Большинство из них переселилось в негостеприимный край под давлением испанцев. Как и ныне они кочуют по Чако, промышляя охотой, и разбивают свои стойбища у водных источников и на окраинах парагвайских и боливийских поселений и военных постов. Географически Чако соседствует непосредственно со столицей Парагвая Асунсьоном, а расстояние от Ла-Паса до реки Парагвай равно расстоянию от Берлина до Москвы. Большинство боливийских населенных пунктов удалены от Чако на многие сотни километров.

Испанцы пришли в Чако не с запада, а с востока: сначала отряд Доминго Мартинеса де Иралы в 1549, а за ним испанская экспедиция под командованием Ласаро Ортеги Вальехоса в 1650 году проникли из Асунсьона в Чако. Солдаты соорудили несколько укрепленных постов, которые подчинялись коменданту Асунсьона. Спустя столетие креолы проникли в восточные районы Чако. Интенсивность освоения дикого края несколько возросла после 1782 года, когда Парагвай стал отдельной интендансией, подчиненной непосредственно вице-королю Ла-Платы. Век спустя, 1 марта 1870 года в Серро-Корре, расположенной на правом берегу реки Парагвай был убит президент Франсиско Солано Лопес, планировавший продолжить сопротивление бразильским оккупантам. Однако этот район продолжал оставаться *terra incognita* для многих жителей сопредельных стран. Только после окончания войны точные границы Чако определил дед Эрнесто Че Гевары, состоявший на королевской службе.

Чако, самый север вице-королевства Ла-Плата, впрочем, как и остальная часть пампы, представляет собой бескрайнюю равнину, где паслись неисчислимые стада. В те времена, чтобы считаться королем, достаточно было иметь коня и тесак. Здесь гаучо, пастух и забойщик скота, обладал наивысшим социальным статусом. Он стал еще более жестоким, чем маро-

дер-индеец, который приходил с севера, чтобы пожить. Сбор кож был основным занятием местного населения. Когда испанскому владычеству пришел конец, южное Чако отошло к Аргентине и вошло в состав провинций Сальта, Кориентес, Сантьяго-дель-Эстеро и Санта-Фе. Во главе каждой из них стоял каудильо, предводитель гаучо. Большинство из них сохранили образ мыслей разбойника: они также легко расправлялись со своими противниками, как до того забивали коров. Так, первыми хозяевами Чако стали главари банд. Некоторые из них, такие как Ферре из Корриентеса, были более «просвещенными», другие вроде Фаустино Кироги менее, одни стояли за федерацию, другие – за унитарную республику. Это им не мешало вести постоянные междоусобные войны и потенциально угрожать Парагваю, отрезанному от океанской торговли. Севернее реки Пилькомайо скитались индейцы, которые потеряли свои очаги и прежних богов. Как только одному из каудильо требовались деньги, он продавал несколько кусков земли, которые никому не принадлежали. Заплатить можно было не только золотом, но и натурой. За несколько лошадей и мушкетов иногда покупался участок, который надо было обмерять целый день. Со временем вся центральная часть Аргентины, как стала называться Ла-Плата после объединения провинций, оказалась поделена на участки. Новые вожди новой страны, исповедуя старые, феодальные ценности, стали больше обращать внимания на окраины.

В последние десятилетия испанского владычества Чако полностью входило в состав вице-королевства Ла-Плата и было гипотетически разделено между интендансиями Чаркас (Чако-Бореаль) и Сантьяго (Чако-Ориенталь). Граница проходила по реке Беремехо. Она сохранилась и после обретения независимости. До 1865 года изоляционистская политика Асунсьона и политическая нестабильность к югу от Беремехо и на Альтиплано давали возможность Парагваю владеть Чако де-факто. Этому способствовало близость его экономических центров к этой области. Большую часть XIX века южная граница страны проходила по реке Беремехо (на 250 километров южнее нынешней границы). Впервые вопрос о принадлежности Чако возник во время войны Тройственного Альянса. Конвенция от 1 мая 1865 года, предусматривала полный раздел Парагвая между Аргентиной и Бразилией по рекам Парана и Парагвай. В этом же соглашении признавались права Боливии на порт на правом берегу Парагвая. Данная клаузула удовлетворила притязания президента Мельгарехо, который не допустил снабжения войск маршала Ф.С. Лопеса через территорию своей страны.

Однако, вследствие противоречий между победителями, Парагвай смог сохранить свою независимость. К 1876 году он выполнил обязательства по мирному договору, что привело к выводу оккупационных войск. Это не остановило соседей. Молодой и амбициозный аргентинский президент Авельянеда предъявил претензии на территорию Чако Бореаль, расположенную между Рио-Беремехо и Рио-Верде. Опираясь на поддержку Бразильской Империи, парагвайский представитель Мачайн предложил пригласить представителя США в качестве арбитра. Эта почётная роль выпала вице-президенту США Р.Б.Хейесу (произносится как *Айес*). Не ожидая негативного решения, аргентинский дипломатический представитель Иригойен согласился на это. Р.Б. Хейес разделил спорную территорию примерно поровну, и с 3 февраля 1876 года аргентино-парагвайская граница прошла по реке Пилькомайо. Боливия попыталась вмешаться в процесс раздела и защитить свои интересы, но ее политический демарш был проигнорирован всеми участниками арбитража.

Первые переговоры между Асунсьоном и Ла-Пасом по Чако состоялись 15 октября 1879 года, когда министр иностранных дел Парагвая Х.С. Декуд подписал с полномочным послом Боливии А. Кихаро договор о разделе спорной территории. В нем признавались права Боливии на территорию к северу от линии, соединяющей исток реки Пилькомайо и устье реки Апа, впадающей в Парагвай. Переговоры шли в условиях нестабильного внешнеполитического положения. Парагвай был слабо населён и еще не оправился от последствий войны с Тройственным Альянсом, а Боливия конфликтовала с Чили. Через месяц (16 ноября) армия Боливии потер-

пела поражение у Сан-Франсиско. Это событие заставило президента Кандидо Барейро повременить с ратификацией договора. Правда, неудача чилийцев у Тарапаки 27 ноября 1879 года временно восстановила авторитет союзников, но политический момент, благоприятный для ратификации договора Декуда-Кихаро, был потерян. Победа чилийцев над союзными перуано-боливийскими войсками при Такне 26 мая 1880 года вывели Боливию из войны и убедили К.Барейро и стоявшего за ним генерала Б.Кабальеро в слабости северного соседа. Следствием этого стало освоение парагвайцами правобережья реки Парагвай, географически относящимся к Чако. Правительство Б. Кабальеро стало распродавать по бросовой цене большие участки прибрежных пастбищ. Значительная их часть попала в руки испанского эмигранта Карлоса Касадо дель Алисаль, поселившегося в Аргентине. К 1886 году он скупил 5625000 гектаров земли по цене 1500 за легву или 75 центов за гектар. Его земельные владения протянулись на 208 километров вдоль правого берега реки Парагвай. В центре своих владений дон Карлос основал в Пуэрто-Касадо первую фабрику по производству танина – экстракта, добываемого из смолы квебрахо. В 1904 году его наследники перепродали 16875 кв. километров нескольким аргентинским производителям, занимавшимся производством танина: Михановичу (Пуэрто-Састре), Пинаско, синдикату Пуэрто Гуарани. Их заинтересованность в сохранении своих позиций во многом повлияла на благожелательное отношение Буэнос-Айреса к своему северному соседу.

Поражение в Тихоокеанской войне и потеря Атакамы – выхода к Тихому Океану, заставило правительство Боливии искать доступ к реке Парагвай, объявленной свободной для судоходства с середины века. Несмотря на недавнюю катастрофу, страна была настроена достаточно агрессивно по отношению к своему южному соседу. Дабы унять страсти боливийской общности, парагвайский президент Б.Кабальеро, связанную с распродажей земель в Чако, предоставил боливийцу М.С. Аранье концессию в Баия Негра. Концессией разрешалось строительство порта на реке Парагвай и железной дороги от него до боливийского города Санта-Крус. В 1885 году Аранья заложил порт Пуэрто-Пачеко и начал прокладывать колесный путь на север. Узнав об этом, парагвайские либералы, оппозиционные генералу, расценили строительство в Баия Негре, как «покушение на права республики в Чако». В 1886 году компания Араньи обанкротилась, и боливийское правительство национализировало ее собственность. В Пуэрто-Пачеко был поднят флаг Боливии. Стремясь закрепить свои позиции в верховьях Парагвая, боливийское правительство предприняло новую дипломатическую акцию с целью определить границу со своим южным соседом. 16 февраля 1887 года министр иностранных дел Парагвая Б.Асеваль и чрезвычайный посол Боливии И.Тамайо заключили договор, который был чрезвычайно невыгоден для Асунсьона. Согласно ему, территория вдоль верхнего течения Пилькомайо, являвшаяся собственностью Парагвая по договору Декуда-Кихаро отходила к Боливии, взамен чего территория от параллели Фуэрте-Олиμπο до устья Апы объявлялась спорной и подлежала арбитражу Леопольда II, короля Бельгии.

Быстро ратифицированный боливийским парламентом, договор вызвал отрицательную реакцию со стороны парагвайских политиков, оппозиционных партии ставленнику Б.Кабальеро генералу П.Эскобару, и столичной общности. 10 июля 1887 года они объединились в партию *Демократического Центра*, которая повела наступление на правительство П.Эскобара. 11 сентября Б.Кабальеро образовал партию *Колорадо*, в которую вошли сторонники правительства. Они оказались в меньшинстве. Страсти вокруг договора Асевала-Тамайо накалялись, президента обвиняли в предательстве национальных интересов. Старому сподвижнику маршала Ф.С. Лопеса ничего не оставалось делать, как послать канонерку *Пунаро* в верховья Парагвая. 13 сентября 1888 года Пуэрто Пачеко было занято войсками, флаг Боливии спущен, а её чиновники арестованы и доставлены в Асунсьон. По решению парагвайского парламента Пуэрто Пачеко получил свое прежнее название – Баия Негра. Это был первый эпизод в серии военных столкновений между Боливией и Парагваем, приведшим к широкомасштабной войне.

Боливия протестовала против этого акта, но слабость вооруженных сил, отсутствие денег и удалённость театра военных действий помешали подкрепить слова силой.

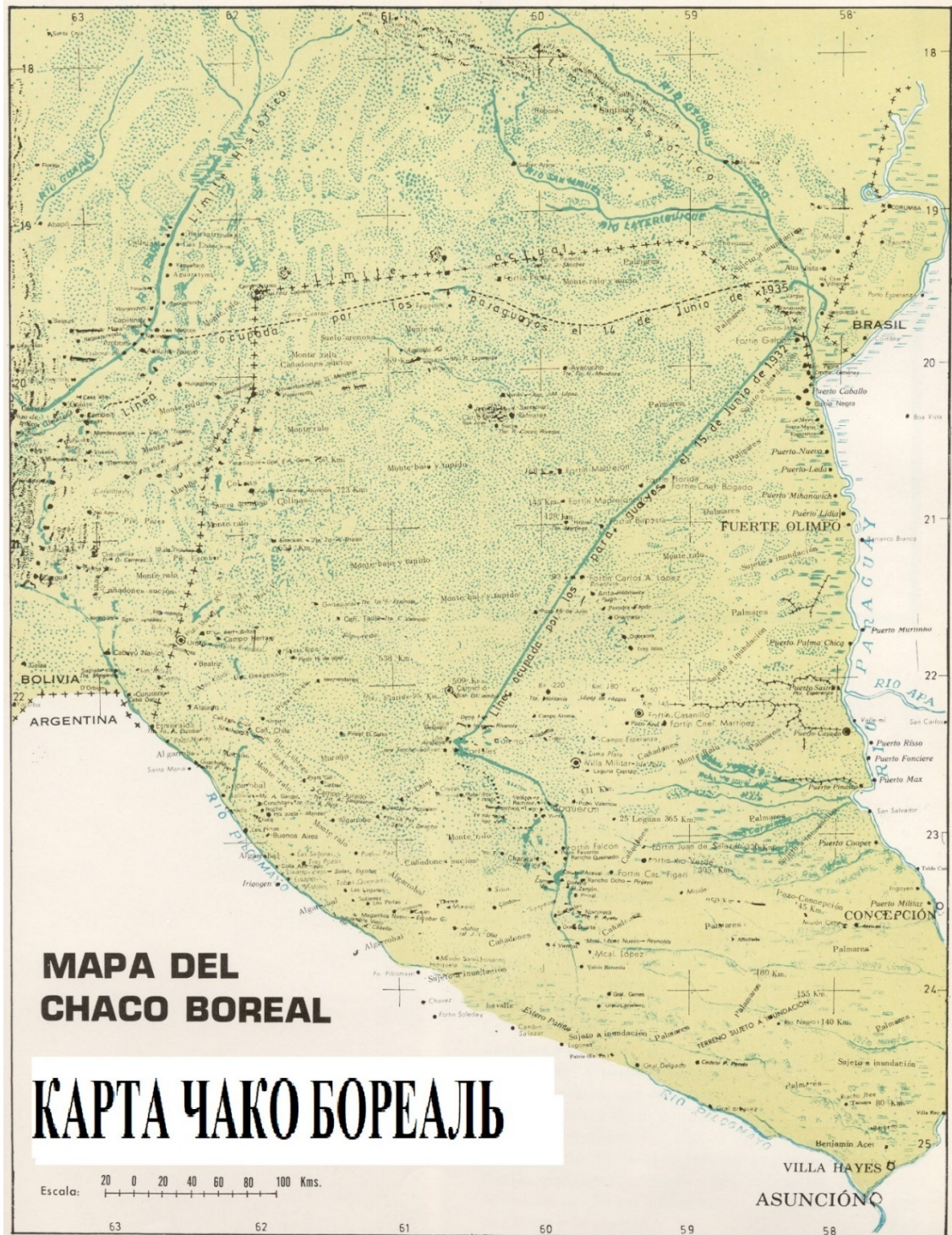
После событий в Пуэрто-Пачеко боливийское правительство наконец осознало, что Парагвай никогда не ратифицирует соглашения ни 1879, ни 1887 годов. Захват парагвайцами Пуэрто-Пачеко ознаменовал начало длительного противостояния Боливии и Парагвая в вопросе разграничения Чако. Боливийские дипломаты основывались на принципе *uti possidetis* 1810 года, используя колониальные архивы и карты, определявшие границы аудиенсии Чаркас. Юго-восточная граница этого колониального предшественника Боливии проходила по рекам Беремехо и Парагвай. Парагвайская сторона настаивала на том, что именно ее граждане эффективно хозяйствуют на территории Чако, в то время как боливийская администрация удалена от этих мест на многие сотни километров. Сложность определения границ определялась еще и тем, что в документах колониальных времен границы аудиенсии Чаркас и провинции Парагвай проходили по неисследованным местам и зачастую описывались приблизительно. Обе республики не рассчитывали на появление третьего претендента, поскольку их границы с Аргентиной и Бразилией были полностью демаркированы. Таким образом, дипломатическая борьба вокруг Чако, пока там не обнаружили следы нефти, была больше вопросом политического престижа обеих стран.

23 ноября 1894 года начался новый раунд переговоров между Боливией и Парагваем. Стороны представляли Г.Бенитес и Т.Ичасо. Линия границы должна была проходить по прямой от Фуэрте-Олимпо до пересечения реки Пилькомайо с меридианом 61° 28' западной долготы. Хотя условия этого соглашения были гораздо более выгодны для Парагвая, чем предыдущие, договор был также враждебно встречен общественностью и, как следствие, не ратифицирован. Четвёртая попытка договориться о разделе Чако была предпринята в Буэнос-Айресе. 12 января 1907 года министр финансов Парагвая А.Р.Солер подписал с чрезвычайным послом Боливии в Аргентине К. Пинильей новый разграничительный протокол. До сих пор неизвестно кто был инициатором этого соглашения, поскольку предварительных консультаций между сторонами не велось. Поскольку протоколом предусматривался арбитраж президента Аргентины, существует мнение, что в дело вмешался сам глава Аргентинской республики Алькорга. Несмотря на значительное увеличение территорий, передаваемых Парагваю в сердце Чако, эта инициатива, как и все предыдущие, оказалась мертворожденной. Причиной этому был устойчивый интерес обеих договаривающихся сторон к долине Пилькомайо и истокам реки Парагвай. Освоение густых зарослей центрального Чако не вызывало особого энтузиазма ни у одной из сторон. Новый протокол, подписанный 5 апреля 1913 года Э. Айялой и Мухией, был последней попыткой мирного разграничения Чако. За его основу был взят протокол Солера-Пинильи с учётом уже имеющихся позиций сторон. Представляется, что его появление связано с осознанием сторонами невозможности эффективно контролировать Чако. Несмотря на выгодное для Парагвая начертание границы, протокол способствовал распространению боливийских застав-*фортинов* к югу. Впоследствии, во время Февральской революции 1936 года, сместившей Э.Айялу с поста президента, подписание этого соглашения было вменено ему в вину, как акт «предательства национальных интересов».

Освоение района Чако Боливией затруднялось отсутствием путей сообщения, которые ей приходилось строить. Только обнаружение нефти в предгорьях Анд стимулировало дорожное строительство. Предоставление в 1922 году монопольных прав на нефтяные месторождения в боливийской части Чако *Стандард Ойл* и начало ее добычи в Камири вызвали приток населения на северо-запад Чако и обеспечили финансирование «ползучей» экспансии Боливии на юго-восток. Парагвай, стремясь закрепить в Чако экономическими методами, продолжал осваивать земли на правом берегу. К 1914 году было распродано почти 200000 квадратных километров или почти 50% всей территории страны. Значительную роль в земельных спекуляциях занимали аргентинцы: так четыре крупнейших банка купили в 1919 году 4000

квадратных километров. Новым приемом в освоении Чако, примененным парагвайским правительством в двадцатые годы XX века стало предоставление земель *меннонитам*. В 1921 году президент Парагвая М.Гондра законом 514 предоставил этой конфессии самоуправление. Несколько тысяч меннонитов из Канады поселились на земле, приобретенной у наследников Касадо, в центре Чако и до начала военных действий основали две колонии Менно (1928) и Фернхейм (1932).

Наличие протокола Айялы-Мухии устраивало обе стороны до тех пор, пока линии их пограничных застав-фортинов не сблизились. В 1918 году, когда обе страны начали осуществлять эффективный контроль над многими районами Чако, они более не были готовы доверить арбитраж третьей стороне: они не хотели подвергнуть риску с трудом занятые позиции. Между отрядами, охраняющими границу, с обеих сторон началась сложная шахматная игра. Отряды парагвайцев и боливийцев старались занять все более удобные с точки зрения обороны, коммуникаций и водоснабжения места. Часто гарнизоны таких укреплений насчитывали несколько солдат. К 1927 году передовые посты обеих стран сблизились настолько, что избежать столкновения стало невозможно.

2. Конфликт в Вангардии

Эскалация напряженности. Война 1928-1929 годов. Международное положение и дипломатия в регионе накануне конфликта: Великие державы и страны Южного конуса в 1929–1932.

26 февраля 1927 года в районе фортина *Сортреса* боливийцы наткнулись на парагвайский патруль и попытались его разоружить. Во время стычки командир патруля лейтенант

А.Рохас Сильва, сын экс-президента Л.Рохаса, погиб от случайного выстрела. Его солдаты и проводник – гуарани были немедленно отпущены, а правительство Боливии попыталось замять инцидент и принесло свои извинения. Когда весть дошла до Асунсьона, там разыгрались страсти. Временный президент Элигио Айяла отдал приказ начать подготовку к военным действиям. Ответные действия со стороны Боливии были менее жесткими, поскольку президент Силес считал свою страну не готовой к войне. Однако лидер оппозиции Даниэль Саламанка, возглавлявший местных *ястребов*, выдвинул лозунг “*pisar fuerte en el Chaco*” (твердо закрепиться в Чако). Возглавляемая им Республиканская партия была поддержана боливийскими военными, которые увидели в этом способ побряцать оружием. Несмотря на грозную риторику главы обеих стран осознавали, что их армии не готовы к ведению широкомасштабных военных действий. Кроме того, Силес считал более перспективным направлением экспансии возврат Такны и Арики, захваченных Чили. По условиям мирного договора, завершившего Вторую Тихоокеанскую войну, обе территории должны были быть возвращены Боливии. Поэтому 22 апреля был подписан очередной, шестой протокол, который предусматривал посредничество Аргентины. Его подписали Диас Леон и Гутьеррес. Переговоры при участии представителей аргентинского министерства иностранных дел открылись в Буэнос-Айресе в октябре. Боливию первоначально представлял Т.М.Элио, а Парагвай – Элигио Айяла. Он настаивал на выполнении условий соглашения Солера-Пинилья, которому его оппонент с самого начала воспротивился, поскольку боливийцам пришлось бы оставить несколько сильных позиций в центре Чако. В ноябре в Буэнос-Айрес на смену Элио приехал Д.Саламанка. Его прибытие способствовало ужесточению позиции Боливии, которая стала настаивать на передаче ей всего Чако, основываясь на том, что при испанцах вся эта территория входила в состав интендансии Чаркас.

В ноябре 1927 года Элигио Айяла предложил компромиссное решение для предотвращения разгорающегося конфликта. Основными принципами этого соглашения стали:

- 1) заключение пакта о ненападении между Боливией и Парагваем,
- 2) создание постоянной комиссии по разграничению,
- 3) возвращение к границе, определенной протоколом 1907 года.

Расхождения в терминологии и желание сохранить позиции, занятые согласно протоколу Айялы-Мухии, привели к прекращению переговоров. В январе 1928 года делегация Д.Саламанки покинула Буэнос-Айрес. Несмотря на это надежды на мирное урегулирование конфликта сохранялись и дипломатические контакты сторон продолжались. Несмотря на это, росла напряженность на линии соприкосновения боливийских и парагвайских патрулей. Если разведывательные поиски в расположение враждующих сторон велись до стычки у *фортина* Сорпреса были бескровными, то теперь они стали сопровождаться перестрелками и захватом пленных. Несмотря на агрессивные настроения обеих наций их интенсивность была невелика, пока существовала надежда на урегулирование конфликта. К августу рост джингоистских настроений, как в Боливии, так и в Парагвае достиг своего пика и сделал его невозможным: очередь была за пушками, и оба претендента на Чако стали готовиться к войне. Уже 7 марта в условиях военного психоза боливийское правительство мобилизовало самолеты ЛАБ (гражданской авиакомпании), а мэр Асунсьона в августе арестовал транспортный самолет *Латеккер* 26, на котором летал известный французский летчик Ж.Мермоз.

5 сентября боливийское командование направило сорок солдат в устье реки Рио-Негро, протекающей в северо-восточном углу Чако. Здесь было построено новое укрепление – *фортин Вангардия*. Он располагался в 20 километрах от парагвайского укрепления *Галлон* и контролировал верховья реки Парагвай. Президент Х.П. Гуджиари распорядился направить туда отряд под командованием майора Р.Франко. Его задачей было наблюдение за действиями боливийцев. Однако молодой честолюбивый офицер превысил свои полномочия. 5 декабря несколько сот парагвайцев под командованием бравого майора окружили фортин. При под-

держке ружейно-пулемётного огня Р.Франко поднял своих солдат в атаку и захватил *фортин*. Двадцать один солдат противника попал в плен, а уцелевшие бежали. Через несколько дней они достигли боливийского фортина Витрионес и рассказали о происшедшем. Разрушив *Вангардию*, майор Рафаэля Франко вместе с пленными вернулся в Гондру на место своей дислокации.

До сих пор неизвестно была ли эта операция личной инициативой Р.Франко или она была санкционирована свыше. В пользу первой версии говорит сам ход последующих событий, ибо парагвайские вооруженные силы были абсолютно неподготовлены к отражению нападения боливийцев, последовавшего за боем у Вангардии. Вместе с тем, направляя батальон под командованием энергичного офицера, Х.П.Гуджиари не мог не отдавать себе отчета в том, что это может перерасти в военный конфликт. Вообще в инциденте в *Вангардии* очень много непонятого. Есть основания считать, что захват фортина был больше в интересах Чили, где Р.Франко и военный министр генерал М.Скенони получали военное образование. Чили в это время находилась в жёсткой конфронтации с Боливией и Перу, которые требовали возврата территорий Такны, Арики и Икике, которые бы обеспечили Боливии доступ к Тихому Океану. Чилийское правительство намеревалось удерживать указанные территории любыми средствами и было заинтересовано в разжигании боливийско-парагвайской войны. Следует отметить, что во время гражданской войны 1922-23 годов в Парагвае проправительственные силы получили партию оружия из Сантьяго. Поэтому вполне возможно, нападение на *Вангарию* было уплатой по векселю. Однако в силу ряда обстоятельств Чили удалось остаться в стороне.

Реакция общественности обеих стран на события в *Вангардии* была очень резкой. Улицы Асунсьона заполнились демонстрантами, приветствующими действия парагвайской армии, отразившей вторжение боливийцев. В Ла-Пасе правительство Э.Силеса подвергалось нападкам джингоистов во главе с Саламанкой. Они требовали отпущения за кровь предательски убитых боливийских солдат. 9 декабря Э. Силес отозвал посла из Асунсьона и приказал полковнику Х.Л.Лансе, командовавшему войсками в Чако, восстановить *Вангарию*. Ни он, ни Гуджиари не отдавали себе отчет о последствиях. Поскольку в верховьях реки Парагвай боливийское командование не обладало достаточными сухопутными силами, оно решило нанести удар в южном секторе Чако. Боливийские части начали давление на передовые позиции парагвайцев по всей линии соприкосновения. Ланса чётко сформулировал задачу, стоявшую перед ними: захватить максимально большую территорию для последующего их обмена на Вангарию.

14 декабря подразделения пехотного полка *Кампос* после небольших стычек заняли парагвайские фортины *Бокерон* и *Марискаль Лопес*. На следующий день в Боливии завершилась частичная мобилизация, которая увеличила состав вооруженных сил до 16000 человек. В тот же день боливийские самолеты совершили первый в истории конфликта налет на Баия Негру, главную базу снабжения северной группировки парагвайских войск. В налете участвовали несколько самолетов *Бреге 19* и *Фоккер CVbs*. Сброшенные с них бомбы наделали много шума, но серьезных повреждений портовым сооружениям парагвайцев не нанесли. Один из боливийских самолетов *Фоккер CVbs* был поврежден ружейным огнем и упал, а его экипаж – лейтенанты Лосада и Манченго попали в плен. Фатальная случайность – гибель во время бомбардировки нескольких подданных Аргентины привели к вмешательству ее правительства в разгорающийся конфликт. Демарш возымел действие: опасаясь реакции южного соседа, боливийцы избегали бомбить суда, следующие по реке Парагвай, облегчив тем самым снабжение и доставку войск противника. 18 января 1929 года два боливийских самолета (*Бреге* и *Фоккер*), базирующихся на Пуэрто-Суарес повторно бомбардировали парагвайские сооружения в северном течении реки Парагвай. В этой миссии участвовал французский «советник» в Боливии майор Анри Лемэтр и его механик Эрнст Фуше. Активной авиации противника Парагвай мог противопоставить несколько старых итальянских машин.

16 декабря Х.П. Гуджиари объявил состояние войны с Боливией и на следующий день объявил всеобщую мобилизацию. К началу 1929 года численность парагвайской армии воз-

росла с 3 до 13 тысяч человек. Её начальником стал полковник М.Рохас, начальником Генерального Штаба подполковник Ф.Х.Эстигаррибия, главным интендантом – майор Ф.Вальдес, а командующим на севере – подполковника Х.Х.Санчес. Полностью развёрнуты и готовы к боевым действиям были следующие части:

1 пехотный полк *2 мая* под командованием майора Х.Б.Айялы занимал район Консепсьон-Нанава,

2 пехотный полк *Итороро* под командованием майора Э.Торреони занимал район центрального Чако,

4 пехотный полк *Курупаити* под командованием майора Г.Нуньеса занимал Пуэрто Касадо,

5 пехотный полк *Генерал Диас* под командованием майора К.Р. Фернандеса занимал Баия Негру,

1 кавалеристский полк *Валуа Риварола* под командованием майора Л.Иррасабалья занимал Парагуари,

1 артиллеристская группа *Генерал Бругес* под командованием иайора Х.Л.Вера занимал Асунсьон,

Директором Военной Школы был майор А.Брей, Авиация майора Р.Франко базировалась на Нью-Гуасу, а флотилия М.Т.Апonte – на Асунсьон.

В ходе её развёртывания остальных частей выяснилась полная неготовность страны ни к современной войне, ни к мобилизации. На проверку оказалось, что вместо ожидаемых 30000 резервистов парагвайская армия может рассчитывать от силы на 7-8 тысяч. Но даже для этого числа наличных запасов оружия с трудом хватило, чтобы сформировать 8 пехотных и 2 кавалерийских полка, инженерный батальон и одну артиллерийскую группу(дивизион). Если стрелкового оружия оказалось достаточно, то артиллерии явно не хватало. Большинство из 10500 *маузеров*, заказанных в Испании, были неисправными и даже опасными для самих стрелков. Артиллеристский парк насчитывал 37 старых пушек, которые в лучшем случае могли стрелять прямой наводкой. Из автоматического оружия в армии имелось только 29 станковых пулемётов системы Максима. Эти громоздкие системы с водяным охлаждением было невозможно использовать в Чако. Уже в ходе подготовки к военным действиям были заказаны датские ружья-пулеметы *Мадсена* и американские станковые пулеметы *Кольта-Браунинга*.

Не лучшее положение дел оказалось и в Боливии, которая развернула шесть дивизий, но не могла их выдвинуть в Чако из-за отсутствия дорог. Кроме того, половину из них она должна была сосредоточить на западной границе против Чили и Перу, договорившихся о разделе Такны – Арики в обход Ла-Паса. Военные действия в начале 1929 года свелись к удержанию сторонами своих позиций, а также патрулированием и разведывательными поисками. Вместе с тем, обе стороны постепенно концентрировали свои войска. По окончании развёртывания вооруженных сил выяснился оперативный просчет обоих штабов – ни Боливия, ни Парагвай не располагали достаточным количеством средств для переброски и снабжения даже десяти тысяч солдат в Чако. К концу 1929 года в Чако были сосредоточены две боливийские дивизии и подготовлена к переброске третья. Парагвай развернул две группы – северную и южную. Всё было готово для ведения полномасштабной войны.

Эскалации боевых действий помешал ряд событий. Первым из них стало обращение Аргентины в Панамериканскую Лигу. Оно привело к объявлению реки Парагвай нейтральной и фактически положило конец налетам боливийских *Фоккеров* и *Бреге* на незащищенные парагвайские поселения. Вторым фактором снижения напряжённости в Чако стал военный переворот в Чили. 11 февраля 1927 года полковник Ибаньес сверг конституционного президента Э.Фигероа. Переворот напрямую был связан с вопросом статуса Такны и Арики, которые дипломатия США хотела передать Боливии. К лету 1928 года отношения обострились из-за начала прямых переговоров между Чили и Перу о статусе этих провинций. Отмобилизованная армия

Боливии могла быть направлена для отвоевания выхода к морю, поэтому чилийский диктатор стремился обрести еще одного союзника в развивающемся конфликте. Координации их демонстраций способствовали давние связи генерала М.Скенони с полковником Ибаньесом, который нуждался в поддержке соседей.

Можно предположить, что столь активная реакция парагвайских военных была спровоцирована чилийским правительством, заинтересованным в создании «второго» фронта против Боливии. Так или иначе, Боливия в начале 1929 года оказалась между двух огней, имея в перспективе войну на два фронта.

Аргентинская и чилийская акции, молчаливо поддержанные Бразилией и Перу, привели к почти полной политической изоляции Боливии на юге континента. Но дипломатия США стояла на стороне Ла-Паса и оказала давление на своих латиноамериканских коллег. Те, в свою очередь, предложили враждующим сторонам начать переговоры. 3 января 1929 года представители Парагвая и Боливии Рамирес, и Диес де Медина подписали очередной протокол. Согласно ему, Асунсьон брал на себя ответственность за события в Вангардии и передавал территориальный спор на рассмотрение комиссии нейтралов. Дипломатическая капитуляция Х.П.Гуджиари была не столько следствием состояния обороны, сколько результатом давления со стороны Аргентины, не заинтересованной в развитии конфликта. Ошибка дипломата, допущенная при подписании протокола, позволяла Лиге Наций объявить страну агрессором и ввести эмбарго на продажу оружия. Это означало, что заказанная во Франции современная артиллерия могла быть потеряна для страны навсегда. В начале января 1929 года три боливийских самолёта: «Юнкере F.13» по имени «Иллиmano» совместно с «Бреге-19», названным «Потоси», и безымянным «Фоккером C.Vb» сбросили бомбы на укрепления форта *Баия Негра*. Это был первый в Южной Америке боевой вылет и, соответственно, первая воздушная бомбардировка. О результатах не сообщалось, все самолеты благополучно вернулись на базу. Как ни странно, налет не вызвал эскалации военных действий, и обе страны продолжили «качать мускулы», время от времени обмениваясь угрозами. Уже 5 января ими было подписано соглашение о временном прекращении огня, но стычки продолжались. Боливийцы по-прежнему удерживали *Бокерон*, а парагвайцы – *Вангардию*. Учитывая опыт первого развёртывания обе стороны развернули в Чако строительство дорог, соединявших основные районы государств с театром военных действий. Парагвайцы также начали обследование водных путей, ведущих внутрь Чако.

Тем временем, в Вашингтоне начала работу конференция, созданная в соответствии с протоколом Рамиреса-Диеса де Мендосы. В комиссию нейтралов вошли представители Парагвая, Боливии, Мексики, Колумбии, Уругвая, Кубы и США. Госдепартамент намеренно не включил в ее состав делегатов соседей, более дружелюбно настроенных к Парагваю. Дипломатическая поддержка, оказанная США Боливии, стала очевидной почти сразу. Одним из новых факторов, вынуждающих госдепартамент встать на сторону Ла-Паса, была необходимость в «моральной компенсации» за размежевание Такны – Арики, в котором дипломаты из Вашингтона, выступая «независимыми» арбитрами, лишили Боливию последней надежды получить выход к Тихому Океану. В результате этого арбитража Боливия сохранила за собой право только на строительство железной дороги к океану (без экстерриториальности). 12 сентября 1929 года комиссия нейтралов выработала условия перемирия, по которому Парагвай должен был восстановить *Вангардию* и передать его Боливии в обмен на *Бокерон*. Через четыре дня боливийские войска очистили занятые ими в конце 1928 года парагвайские форты, и, формально, конфликт окончился. Пока дипломаты стран-посредников поздравляли друг друга с успешным разрешением конфликта, Парагвай и Боливия вооружались, ликвидируя выявленные в 1928 году недостатки военного строительства. Несмотря на восстановление дипломатических отношений стычки в глубине Чако продолжались. Однако они не привели к эскалации напряженности из-за краха нью-йоркской биржи в *черную пятницу* 1929 года, ставшего нача-

лом Великого кризиса. В этих условиях президент Парагвая Х.П. Гуджиари обратился за поддержкой в Лигу Наций. Однако представители США воспрепятствовали посредничеству Лиги, заявив о необходимости поиска панамериканской альтернативы. Принятию этой аргументации Лигой послужил факт восстановления дипломатических отношений между Ла-Пасом и Асунсьоном, состоявшийся 22 июля 1930 года.

Следует отметить, что за все время своего существования Лига Наций только в двух случаях подробно рассматривала латиноамериканские дела и в обоих случаях без какого-либо эффекта. Безусловно, ее беспомощность была определена закулисной дипломатией великих держав, в первую очередь, США и Великобритании. Особенно жесткую позицию в этих вопросах занимал госдепартамент, старавшийся торпедировать любую попытку установления связей с межамериканскими политическими организациями. Настояв на передаче жалобы Парагвая в панамериканскую систему, контроль над которой находился в его руках Вашингтон тем самым косвенно поощрял Ла-Пас на дальнейшую эскалацию военных действий.

Большинство исследователей латиноамериканских конфликтов 30-х годов сходятся во мнении, рассуждая о чисто поверхностных причинах Чакской войны. Вместе с тем её скрытые пружины зачастую остаются недостаточно освещенными. По мнению П. Калверта и Б.Вуда, возникновение войны вызвано, в основном, социально-психологическими причинами, имеющими свои корни в реваншистских настроениях обеих сторон, подогреваемых депрессией 1929-1933. А.Б.Томас в своей *Истории Латинской Америки* более объективно подходит к причинам этой войны. В качестве таковых, он, помимо территориального спора, выделяет социальную напряженность внутри обеих стран, вызванную депрессией, и попытку выхода Боливии к морю. Потребность в выходе к морю стала особенно настоятельной после того, как с 1922 года *Стандард ойл* стала проводить разведку нефтяных месторождений на юго-востоке Боливии и в конце концов обнаружила её в области Камири. К 1930 году эта компания инвестировала свыше 54 млн. долларов и начала добычу нефти в районе Камири. Общий объем, найденной в этом районе, нефти оценивался в шесть с половиной миллионов тонн. Открытие в 20-е годы нефтяных месторождений в этом районе позволяло надеяться на наличие крупных ее запасов в междуречье Пилькомайо и Парагвая. К этому времени управление нефтяными полями Боливии перешло от *Стандард ойл оф Нью-Йорк* к ее дочерней компании *Стандард Ойл оф Боливи*, руководство которой приобрело дополнительные концессии в зоне Чако. В июле 1932 года она уплатила боливийскому правительству за них аванс в 2 миллиона долларов США. Несколько ранее американцы приобрели нефтяные концессии в аргентинской провинции Сальта. Это наносило серьезный удар по позициям *Ройял Датч-Шелл* в Аргентине и Парагвае. В условиях жесткого давления со стороны британских инвесторов правительство Аргентины, обложило транзит нефти через свою территорию запретительными пошлинами, нанося прямой ущерб интересам Боливии. Строительство нефтепровода через Анды к морю неосуществимо в силу технических причин, а транспортировка нефти через Чако в условиях военной конфронтации опасна, поэтому добыча нефти на экспорт в Камири была свернута. За годы Великого кризиса нефть для Боливии приобрела особое значение, как новый источник экспортных доходов, которые снизились из-за падения цен на олово. К 1932 году влияние американских нефтяных компаний в Боливии сильно выросло. Рост американских инвестиций в нефтедобывающем секторе этой страны ставили на повестку дня вопрос о получении концессий на все Чако. Именно поддержка США обеспечила приход Д. Саламанки к власти под лозунгом наведения порядка. Лидер республиканцев был поддержан военными кругами, что сразу привело к росту напряженности в Чако. Обосновывая претензии Боливии, новый глава республики в Андах писал, что «...естественным и логическим выходом явилось бы сооружение нефтепровода к р.Парагвай. Этому препятствует республика Парагвай, которая оспаривает территориальные владения Боливии и, кроме того, блокирует перевалку нефти. Боливия же не может примириться с жалкой участью страны, изолированной от мира».

Не только борьба за удобные маршрут транспортировки нефти, но и жажда обретения новых концессий на спорной территории ужесточало позицию Боливии. В условиях кризиса цены на нефть снижались и в связи с этим предпринимались меры по сокращению ее добычи. Поэтому вряд ли были правомочна декларация Д.Саламанки, о решении финансовых проблем страны за счет увеличения экспорта нефти. Требование выхода к реке Парагвай в этом случае не могло являться острой необходимостью для Боливии, а постройка нефтепровода через Чако была непосильна для подорванной кризисом экономики страны. Следовательно, не столько сами правящие круги Боливии были заинтересованы в чакской нефти, сколько стоящее за ними руководство *Стандард ойл*, рассчитывавшие вытеснить своих конкурентов с рынка Южного Конуса. Подталкивая боливийского лидера к войне, эта монополия обеспечила в 1932 году предоставление Ла-Пасу очередного займа в 20 миллионов долларов консорциумом нью-йоркских банков.

Таким образом, за спиной Д.Саламанки, отстаивавшего законные интересы Боливии в Чако, скрывались другие, более могущественные силы. Они имели совершенно другие мотивы, на которые ложится главная вина роста напряженности в Чако. Сенатор Лонг в своем выступлении в Конгрессе США в мае 1934 года констатировал: «... в развязывании этой войны виновата *Стандард ойл компани*, имеющая штаб-квартиру в Соединенных Штатах, и интересы ее филиалов». Специальное разбирательство, проведенное Конгрессом в 1936 году, подтвердило правоту сенатора. Несмотря на видимую «беспристрастность» Вашингтона к обеим воюющим сторонам, очевидна его заинтересованность в решении спора в пользу Боливии, экономика которой все больше переходила в руки американских компаний. К началу конфликта они контролировали 30% добычи олова и стремились к ее монополизации. Это связано с тем, что в первой половине XX века 80% добычи этого стратегического сырья находилось под контролем Британской Империи. Боливия была единственным неподконтрольным Лондону источником олова. Особую заинтересованность в войне проявили американские производители оружия, которые финансировались американскими банками, предоставившими Боливии кредит для этих целей еще в 1927 году. Основными поставщиками оружия во время войны являлась *Американская корпорация вооружения* (*American Armaments Corporation*), возглавляемая братьями Альфредом и Игнасио Миранда, и *Кэртис-Райт экспорте*, отделение авиаконцерна *Кэртис-Райт* и, соответственно, их президенты С.К. Клифф Трэвис и С.В. Уэбстер. Их заинтересованность в поставках оружия зашла так далеко, что братья Миранда подали иск в Верховный Суд США с целью отменить эмбарго на военные поставки в Боливию, а Клифф Трэвис просто игнорировал этот запрет, поставляя американское оружие из Сен-Луиса через третьи страны.

В ответ на происки американских компаний английские не остались безучастными. Будучи не в состоянии открыто вмешиваться в конфликт, они использовали зависимость Парагвая от Буэнос-Айреса. Даже спорадическая помощь со стороны Аргентины, основного плацдарма английского влияния в Южном Конусе, во многом определяла решительность Парагвая на полях сражений и за столом переговоров. Аргентинская дипломатия, помимо обеспечения экономических интересов страны, руководствовалась и другими геополитическими соображениями. В Буэнос-Айресе понимали, что приобретение Боливией порта на реке Парагвай повлечет проникновение влияния США еще на несколько тысяч километров южнее, чем прежде. Позиция Аргентины с начала конфликта во многом определялась ее олигархией. Интересы *портеньо* в Парагвае были очень значительны: в его экономику было вложено 50 миллионов золотых песо. Парагвай, наряду с Уругваем, рассматривался правителями Буэнос-Айреса как естественный сателлит. В 1930 году правительство одряхлевшего Иполито Иригойена, который получил кличку *пелудо* – крот, было свергнуто генералом Хосе Урибуру. С ним вместе к власти вернулась аргентинская земельная олигархия, отодвинутая радикально настроенной городской буржуазией. Олигархи вновь обрели свои прежние привычки. Опыт последние лет пребывания у власти радикалов, разгул коррупции, не заставили их пересмотреть

устаревшие принципы каудильизма. Урибуру и сменивший его на посту президента Аргентины Хусто откровенно ориентировались на фашизм. Несмотря на определенные политические связи с Уругваем и Бразилией Буэнос-Айрес всеми силами стремился сохранить свою гегемонию в долине Параны. Прорыв к этой реке Боливии, которой накануне был запрещен экспорт нефти через Аргентину, вызывал у аргентинских дипломатов, если не открытую враждебность, то холодное отчуждение.

В общем русле аргентинской дипломатии действовал и Монтевидео. Не претендуя на особые привилегии, уругвайские политики лоббировали свои интересы, связанные с поставкой сырья из Парагвая (леса, чая и т.д.). Именно из Монтевидео в Асунсьон поступила основная часть *мадсенов*. Являясь малой нацией, Уругвай не мог идти на прямую конфронтацию с великой державой и должен был маскировать свои чувства под маской нейтралитета. Роль других стран Южной Америки в большей степени определялась их национальными приоритетами в области внешней политики, чем ориентацией на своего «старшего» партнера. Так, с 1930 года Боливию негласно поддерживала Чили, традиционно придерживавшееся британской ориентации. В 1928 году мобилизация чилийской армии, нуждавшейся в союзниках в случае начала войны за Такну и Арику, приостановила развитие конфликта. Это заставило Ла-Пас уступить в этом вопросе для того, чтобы развязать себе руки в Чако. Когда 3 июня следующего года конфликт был улажен, чилийская дипломатия бросила своего союзника: политика Сантьяго, особенно после прихода к власти радикалов в 1931 году, сводилась к «канализации» боливийской экспансии в бассейн Параны. Такая позиция объяснялась желанием правящих кругов Чили навсегда закрепить результаты соглашения 1929 года, путем втягивания Боливии в длительную войну за Чако. Эта позиция радикалов, несмотря на все их заявления о желательности прекращения конфликта в Чако, оставляла порт Арику открытым для транзита оружия, следующего из США в Боливию, вплоть до конца 1934 года.

Политика Бразилии в Чакомском вопросе до октября 1932 года была связана рядом внутренних проблем. Тем не менее, ее дипломатия следовала традиционной тактике. Посредничество, с которым выступали представители страны при урегулировании американских территориальных споров, повышало престиж Бразилии и выдвигало ее на второе место в Пан-американском союзе после США. Такая осторожная политика способствовала росту политико-экономического веса Бразилии в соседних странах. Однако сохранению такой позиции мешали острое соперничество за влияние в стране между Великобританией и США, а также претензии Аргентины на ведущую роль в районе Южного конуса. В тех случаях, когда внешние и внутренние трудности Бразилии бывали преодолены, она могла на равных противостоять американской дипломатии в странах Южного конуса. Приход Жетулиу Варгаса к власти 3 ноября 1930 года был расценен мировым сообществом как переориентация Бразилии с Лондона на Вашингтон. Либеральная революция 1930 года была следствием острого соперничества буржуазно-помещичьей группировки, где доминировали кофейные бароны Сан-Паулу и горные магнаты Минас-Жерайса, с националистами во главе с губернатором штата Рио-Гради-ду-Сул Ж.Варгасом. Созданный под его руководством Либеральный альянс вошел в союз тенентистами, мелкобуржуазным течением среди военных, и получил финансовые влияния из США. С 1925 года, как главный покупатель бразильского кофе, они начали целенаправленную борьбу против политики поддержания цен на него. Еще тогда будучи министром торговли Г.Гувер запретил D.&W. Seligman и Spreyer & C предоставить Сан-Паулу займы на 40-50 миллионов долларов, так как «это способствовало бы росту уровня цен».

Следует отметить, что как английские, так и американские интересы в Бразилии не были однородными. Так, в 1906 году Ротшильд отказался финансировать кофейный сектор, в то время как First national city bank выделил 1000000 \$. В 1918 году госсекретарь Э.Лансинг взял под контроль приобретение кофе в Бразилии и спас ее от банкротства. Таким образом, политика Вашингтона в отношении Рио-де-Жанейро менялась в зависимости от сиюминутных

интересов. Вместе с тем американские фирмы выявили для себя ряд секторов экономики, в которых они хотели занять господствующие позиции. Это было производство кофе и каучука и добыча марганца и железной руды. Мощное проникновение американских фирм на внутренний рынок страны привело к тому, что 26% импорта и 45% экспорта Бразилии направлялись в США. Это способствовало и росту внешней задолженности США (20% иностранного долга). Таким образом, под влиянием международного разделения труда структура республики приспособилась к укреплению в стране американских позиций. Английские интересы в Бразилии были долгосрочными и уходили своими корнями в 1809 год. Британский капитал контролировал производство кофе электрическую сеть, транспорт, а также имел обширный рынок сбыта своих промышленных товаров. Связь между Лондоном и Рио была закреплена рядом государственных займов.

Ситуация в конце 1930 года была весьма благоприятной для американской дипломатии и деловых кругов, которые видели в олигархах Сан-Паулу основных противников их экспансии. Однако главной причиной Либеральной революции стало не внешнее вмешательство, а жестокий экономический кризис, начавшийся на несколько дней до нью-йоркского краха, когда 5 октября 1929 года банки штата Сан-Паулу прекратили выплаты по векселям и прекратились все экспортные операции. Даже отказ от поддержания цен на кофе не помогло остановить банкротство кофейных магнатов, которые требовали от центрального правительства помощи. Вооруженные выступления либералов начались в октябре 1930 года и охватили территорию девяти штатов. Вплоть до 24 октября, когда военные отстранили президента Вашингтона Луиса от власти, официальный Вашингтон поддерживал его правительство и ввел эмбарго на продажу оружия либералам, в то время как деловые круги оказывали содействие восставшим. Введение эмбарго за два дня до падения старой республики вызвало ряд трений между диктатором и американцами. Это напряжение сохранялось и впоследствии, когда выяснилось, что ряд американских банков и компаний укравают доходы и проводят незаконные сделки.

Ж.Варгас оказался более независимым в своих политических привязанностях, чем от него ожидали силы, поддержавшие его приход к власти. Однако диктатор очень умело маневрировал на политической арене. Так, он привлек Ротшильда для поддержки бразильских финансов, а затем способствовал укреплению крупнейшей англо-бразильской паровой *компани Ллойд бразилейро*. Поддержка восстания американскими фирмами *конституционалистов* Сан-Паулу привела к сохранению напряженности между Рио-де-Жанейро и Вашингтоном. Несмотря на благожелательную позицию госсекретаря к Ж.Варгасу, деловые круги США, заинтересованные в бразильском кофе, поддержали его противников. Так, Кэртис продавал им самолеты через Чили, а Форд – грузовики через Парагвай. Движение конституционалистов Сан-Паулу было попыткой буржуазно-помещичьих кругов самого богатого штата Бразилии, восстановить свою гегемонию. Под флагом немедленного восстановления конституции паулисты, за спиной которых стояла Великобритания, стремились вновь овладеть государственной властью в масштабах всей страны. Противостояние вылилось в войну. Всего в боевых действиях приняли участие по 80-100 тысяч человек с каждой стороны. Военные действия длились с июля по октябрь 1932 года и закончились поражением *паулистов*. На их стороне воевали русские белоэмигранты, а находившуюся под контролем тенентистов бразильскую армию готовили к операциям немецкие советники. Несмотря на военную победу, одержанную при тенентистов, Ж.Варгас был вынужден пойти на политический компромисс с олигархами Сан-Паулу, представители которых вошли в состав центрального правительства. Была избрана Конституционная ассамблея, а 14 июля 1934 года была принята новая конституция.

Первоначальное отношение Ж.Варгаса к конфликту в Чако была более благоприятно для Боливии, чем Парагвая. Оно определялось целым рядом причин. В частности, предоставление свободы рук Ла-Пасу в Чако представлялась дипломатам из Рио-де-Жанейро своеобразной компенсацией за аннексию Акре в 1903 году. Другим фактором, определявшим настроен-

ное отношение режима Ж. Варгаса к Асунсьону, было снабжение *паулистов* через пограничный городок Педро Хуан Кабальеро. В-третьих, Республиканская партия была идеологически ближе для Ж.Варгаса, чем парагвайские либералы. Эту политическую линию поддерживали *тенентисты*, возглавляемые К.Престесом, который за пять лет до этого со своими солдатами укрылся на территории Боливии. Немаловажную роль в холодном отношении к Асунсьону была традиционная ориентация парагвайских либералов на Буэнос-Айрес.

С середины 1933 года позиция Бразилии по отношению к конфликту в Чако стала меняться. Это было связано с политической переориентацией Ж.Варгаса. На внутреннем фронте это был разрыв с левым крылом *тенентистов*, компромисс с кофейной олигархией и поощрение фашистского течения *интегралистов*. Во внешней политике Рио-де-Жанейро взял курс на сотрудничество с нацистской Германией. Другим фактором, существенно повлиявшим на активизацию Бразилии на Ла-Плате, стала аргентинская гегемония в Парагвае. Аргентина была практически единственной страной, оказывавшей на протяжении всей войны моральную поддержку и материальную, пусть нерегулярную, помощь, чему способствовала и языковая близость стран. Бразильские военные круги не исключали, что в случае конфликта с Аргентиной, Парагвай может выступить на стороне последней. Такой конфликт возник в 1943 году и бразильское правительство было вынуждено использовать все свое умение, чтобы не допустить коалиции Буэнос-Айреса, Монтевидео и Асунсьона. Поэтому, начиная с конца 1934 года, когда явно обозначилась военная победа Парагвая, Рио-де-Жанейро постарались занять в Чакомском вопросе позицию арбитра. Однако это у него в одиночку не получилось.

Отношения Боливии и Перу после сепаратного соглашения с Чили по Такне и Арике стали достаточно напряженными. Перуанские правящие круги были заинтересованы в ослаблении своего соседа, который был возмущен «предательством» Лимы. Чилийские и перуанские дипломаты на протяжении войны в Чако выступали единым фронтом, формально занимающая позицию нейтралитета. Поскольку через их порты доставлялась львиная доля оружия Ла-Пас, последний попал в зависимость от них и был вынужден де-факто признать раздел 1929 года. Политика Перу в отношении Боливии была очень осторожной, поскольку была вовлечена в территориальный спор с Колумбией. Военные действия в трапедии Летисия длились с 1 сентября 1932 года по 19 июня 1934 года. К району конфликта были стянуты почти все наличные силы противников, включая авиацию и флот. Противостояние в трапедии достигло такого напряжения, что Бразилия была вынуждена направить в этот район сильный обсервационный корпус. Его задачей была «охрана суверенитета страны». Таким образом, весь первый период Чакомской войны дипломатия Перу была заинтересована в затягивании боевых действий. Для этого оно приняло участие в миротворческих усилиях, присоединившись к Бразилии, Аргентине и Чили. Однако, с середины 1934 года перуанское правительство заняло жесткую позицию по отношению к своей соседке и несколько раз закрывало порты. Перехваченные военные грузы использовались для нужд перуанской армии, что вызывало протесты не только Боливии, но и стран-поставщиков. В начале эти шаги напрямую координировались с Сантьяго, но затем это прекратилось, поскольку позиции сторон стали понемногу расходиться.

Чилийская дипломатия эволюционировала в обратном направлении: от поддержки Парагвая к нейтралитету дружественному Боливии. Чилийская политика во время конфликта Чако имела главной задачей закрепить раздел Такны и Арики, сделанный в 1929 году. Для этого было два пути: военный шантаж Боливии или существенное ослабление ее военного потенциала. С началом конфликта в Летисии первый путь был неприемлем, поскольку Сантьяго оставался без военного союзника. Внутренний политический кризис привел к свержению в 1931 году полковника К.Ибаньеса, ориентировавшегося на Парагвай. В следующем году произошло два военных переворота, в результате которых президентом стал либерал Х.Алессандри Пальма, который опирался на пронемецки настроенную военщину. Он координировал свою внешнюю политику с Буэнос-Айресом. Общим её направлением было сохранение

статус-кво в регионе. Когда очевидным стало военное поражение Боливии, правительство Х.А.лессандри Пальма перестало опасаться своего северного соседа и начало зарабатывать на транзите оружия. Примерно такую же роль играл Монтевидео в отношении Асунсьона. Однако \, в отличие от своего коллеги президент Габриэль Терра действовал очень последовательно: с самого начала войны уругвайские территория и флаг использовались для контрабанды оружия в Парагвай.

Ещё одним негласным участником Чакской войны был Советский Союз. Способствуя победе мировой пролетарской революции, Коминтерн и внешняя разведка СССР внимательно следили за антисоветской диаспорой. В Южной Америке они действовали через местные коммунистические партии и советское внешнеторговое общество Южамторг, которое возникло в 1927 году на базе аргентинского отделения Амторга. Амторг являлся не столько торговой, сколько шпионской организацией. Через него в Советский Союз утек ряд передовых технологических и военных разработок из США. Эта организация также вербовала специалистов для работы в Советском Союзе. Большую часть средств эта организация получала за счет распродажи культурных ценностей России. В 1925 году было открыто отделение Амторга в Аргентине. Его оборот составил 4,5 миллиона долларов США. Два года спустя он вырос до 14,5 миллионов, а отделение было реорганизовано в самостоятельное торговое общество Южамторг с центральным бюро в Буэнос-Айресе. Председателем правления стал Б.И.Краевский. Срок действия общества был установлен в 50 лет, а его главной целью было «осуществление и всемерное развитие прямой торговли между СССР и республиками Южной Америки». Вскоре отделения Южамторга были открыты в Уругвае, Чили, Бразилии и Парагвае, а оборот в первом полугодии 1928 года достиг 12,5 миллионов долларов. В обмен на пушнину, лес и нефть СССР закупал кожи, танин, кофе, какао и шерсть.

Торговая деятельность способствовала возникновению организаций – агентов влияния коммунизма. Так, в Аргентине возникло Общество друзей новой России, а в Бразилии и Уругвае – соответственно, Ассоциация и Общество друзей СССР. Следующим шагом была активизация коммунистического движения в этих странах. Так, в Коммунистическая партия Аргентины «очистила свои ряды от правых и левых уклонистов и определила свою тактику в буржуазно-демократической революции». В июне 1929 года в Буэнос-Айресе собралась первая конференция компартий Латинской Америки, на которой присутствовали 38 делегатов из 15 стран. В том же году на профсоюзном конгрессе в Монтевидео была создана прокоммунистическая Латиноамериканская профсоюзная конфедерация. Политическая деятельность Южамторга вызвала неприятие во многих странах Южного конуса. Первым прервал отношения с этой организацией Парагвай, поскольку Б.И.Краевский использовал торговое представительство для организации Коммунистической партии Парагвая (создана 19.02.1928 года). Три года спустя 20 февраля 1931 года полторы сотни повстанцев под коммунистическими и анархическими лозунгами захватили Энкарнасьон, но не смогли его удержать. Большая их часть бежала в Бразилию, но 17 человек попали в руки полиции. Участие коммунистов в захвате Энкарнасьона послужило причиной свертывания деятельности Южамторга в Парагвае, либеральное правительство которого стало с опаской относиться к СССР. Разрыв торговых отношений и поступление на военную службу белых генералов И.Т.Беляева и Н.Ф.Эрна и их товарищей по оружию дали серьёзную прививку против коммунизма. В ответ Южамторг стал налаживать торговлю с Боливией, переведя свое отделение из Асунсьона в Ла-Пас. С началом Великого кризиса выявилось основное предназначение Южамторга – пропаганда идей Коминтерна. При новом председателе правления А.Е.Минкине он также превратился в канал финансирования латиноамериканских коммунистов. Наряду с развёртыванием политической деятельности торговая активность организации падала: уже в 1929 году ее оборот упал на треть, а еще через год – вдвое. Через четыре месяца после событий в Энкарнасьоне аргентинский диктатор генерал Урибуру обвинил Южамторг в коммунистической пропаганде и демпинге и отдал приказ

обыскать главную контору организации. После этих разоблачений советская разведывательная работа была свернута, а правление Южамторга перебралось в Уругвай, где был построен нефтеперерабатывающий завод, работавший на советской нефти. Однако в Монтевидео А.Минкину удалось продержаться до декабря 1935 года, когда советско-уругвайские дипломатические отношения были вновь расторгнуты из-за «коммунистической деятельности» советских дипломатов, а жалоба на их подрывную деятельность направлена в Лигу Наций.

Европейские державы рассматривали Парагвай и Боливию как потенциальных покупателей их оружия. При этом Великобритания, Франция и Италия стремились укрепить свои позиции в Южном конусе, подталкивая его страны к дипломатическому вмешательству в конфликт, что косвенно вело к ослаблению позиции США. Вместе с тем они официально занимали позицию невмешательства и на словах осуждали войну. Германия также была не прочь зацепиться в этом регионе. Наличие большого числа фольксдойче значительно облегчили ей эту задачу. Так, к 1930 году нацистские ячейки возникли во всех странах Южного конуса. Однако Лондон и Париж, Рим и Берлин прекрасно осознавали, что затягивание войны ведет к распаду Панамериканского союза и снижению авторитета Вашингтона в регионе. Наложённое Лигой Наций эмбарго было неполным и позволяло приобретать оружие у посредников. Этим воспользовались малые страны Европы (Испания, Бельгия и Чехословакия), обладавшие военной промышленностью. Таким образом, несмотря на то что локальная война в Чако затронула вопросы не столько глобального, сколько регионального характера, она была известна в Европе.

Проекты разграничения Чако Бореаль

3. «Боливия – цивилизованная страна, но...» (генерал А. Овандо).

История республика в Андах. Страна и жители. Консерваторы, либералы, республиканцы.

До середины XX века Боливией за ее пределами мало кто интересовался, за исключением агентов металлургических и нефтяных компаний. Ее столица Ла-Пас, расположенная на высоте 4000 метров над уровнем моря, почти недоступна европейцам, ее раньше называли кладбищем гринго (безъязыких). Иностранцы посещали эту горную страну столь же редко, писал в начале 60-х годов боливец Л. Луксич, как Центральную Африку или Гиндукуш. Гринго был противопоставлен ее климат – и физический, и политический. Завоевав в 1532 году империю инков, испанские военачальники Гонсало Писарро и Диего де Альмагро разделили их между собой. Первый стал правителем Новой Кастилии – современного Перу, а второй – Нового Толедо или Горного Перу, нынешней Боливии. В 1563 году последнее было превращено в ауденсию Чаркас. В нее вошли обширные территории бассейна Амазонки и Параны, которые были захвачены испанскими авантюристами, прибывшими из Асунсьона. Их предводитель Н. де Чавес основал столицу Ориенте – Санта-Крус де ла Серра. Его потомки и сподвижники осели на завоеванных землях. Один из них, тезка конкистадора, даже стал вице-президентом Боливии в 1950 году.

Колониальное общество Нового Толедо состояло из коренного индейского населения, креолов – *чоло*, небольшого количества негров и голландцами, и привилегированного слоя – испанцев – гачупинов. После конкисты положение индейского населения почти изменилось – энкомьенда (крепостная зависимость) и мита (трудовая повинность) не сильно отличались от прежних повинностей инков. Социально-экономические отношения колониального периода представляют собой переплетение рабовладельческих и феодально-крепостнических отношений. Только с середины XVI века постепенно происходит смягчение этих институтов закабаления туземного населения. На протяжении всего испанского господства ауденсия Чаркас являлась экономическим центром испанской колониальной империи. С 1545 года важное значение в экономике провинции приобрела добыча серебра в Потоси. С открытием в 1565 году месторождений ртути годовая добыча драгоценного металла еще более возросла. Стоимость добытого за два с половиной века в Боливии серебра составила 1600 миллионов песо. Через сто лет после падения инков население Имперского города Потоси составило 160000 жителей. К этому времени в городе насчитывалось 4000 каменных домов. Привлекаемые на горные разработки индейцы жили в 139 окружающих город деревнях. По некоторым данным, на этих рудниках погибал каждый третий, привлеченный на рудники индеец. Для сохранения и укрепления своей власти испанцы прибегали к жесточайшим репрессиям и держали местное население в условиях полного подчинения. Такое положение не могло существовать вечно: нарастал протест внутри колониального общества. Восстание касика Хосе Габриэля Кондорканки (Тупака Амару) показало испанской администрации и местной элите, что в массах покоренных ими индейцев назрел протест. Лидер восстания принадлежал к местной знати и носил титул маркиза Ороспеа. Он планировал только заговор, целью которого было восстановление империи инков, на его призыв откликнулись широкие массы индейцев. Движение быстро приобрело социальную окраску и оттолкнуло имущие классы. Весной 1781 года войска вице-королей Ла-Платы и Лимы подавили мятеж.

Важную роль в становлении национальной элиты страны сыграл основанный в 1624 году в городе Чаркас университет Сан-Франсиско Хавьер, который стал одним из культурных цен-

тров Испанской Америки. Несмотря на просвещенность *чоло* – местной элиты, Верхнее Перу стало последней провинцией испанской империи на материке, освобожденной войскам Боливар. Это объясняется не только сосредоточением основных сил колониальных войск, но и полным отрывом креольской верхушки от основной массы индейского населения. Имушие классы боялись повторения событий 1781 года. Только после битвы при Аякучо 9 декабря 1824 года войска венесуэльского генерала Антонио Хосе де Сукре-и-де Алькала смогли поставить под контроль патриотов Горное Перу.

Ла Пас открыл ворота победоносному генералу в феврале следующего года, а еще через полгода – 6 августа была провозглашена республика Боливар. Она охватывала миллион квадратных миль с населением около одного миллиона человек. Учреждение республики не ликвидировало, а еще более упрочило разделение на как бы два изолированных общества: господствующее буржуазное – «городское», руководимое белыми и *чоло* Ла-Паса, и подчиненное феодальное – периферийное, охватывающее почти всю остальную территорию страны. В середине XIX века на испанском говорило не более 20% населения страны, насчитывавшего около 2 миллионов человек. В республике, конституцию которой разработал Симон Боливар, избирательным правом обладали только собственники, едва составлявшие десятую часть мужского населения. Главой государства был пожизненный президент, фактически назначавший своего наследника – вице-президента. Законодательную власть осуществлял трехпалатный парламент. Административная система Боливии была скопирована с Первой французской республики и теоретически была централизована. На практике местные органы власти были монополизированы латифундистами, опиравшимися не только на свои земельные владения, но и силу.

Первоначальное ядро правительственной армии составили колумбийцы – ветераны кампаний Боливар, прибывшие в страну вместе с А.Сукре. Многие из них получили землю в качестве награды за участие в революции. Эти профессиональные военные не желали превращаться в земледельцев и продали свои участки латифундистам и земельным спекулянтам. Таким образом, социально-экономическое положение Боливии со времен интендансии Чаркас сильно не изменилось. Элита республики опиралась на свою локальную власть и внешнюю военную силу. Покидая в декабре 1825 года страну, Боливар передал верховную власть А.Сукре, который через пять месяцев был провозглашен первым президентом республики, которая претендовала на территорию в 904052 кв. мили. Это более чем вдвое превышает ее современную площадь (420000 кв. миль). Сохраняя монополию на власть, креольская верхушка Боливии хищнически эксплуатировал серебряные прииски, составлявшие главное богатство страны и ревниво оберегала свою монополию на это. Так, элита, апеллируя к Освободителю, отказалась вступить в Перуанскую Конфедерацию, объединившую остальные части вице-королевства Лима. В 1827 году среди колумбийского гарнизона в Лиме начались волнения, которые были использованы как предлог для их вывода за пределы страны. Год спустя аналогичные события произошли в Боливии. Будучи не в силах подавить восстание А.Сукре был вынужден обратиться за военной помощью к президенту Перу Хосе Ламарру. Перуанский корпус возглавляли офицеры Аугустин Гамарра и Андрес Санта-Крус, которые при поддержке банд латифундистов разгромили мятежников. Осознав, что он является пешкой в руках перуанцев, президент сложил свои полномочия и уехал в Колумбию. В январе 1829 года перуанские войска вторглись в Эквадор и заняли Гуякиль. А.Сукре возглавил местные войска и 27 февраля разгромил интервентов у Тарки. В следующем году он возглавил Национальный Конгресс Великой Колумбии, но вскоре был убит, а Эквадор отделился от Великой Колумбии.

После сражения у Тарки, власть над Боливией, как теперь стала именоваться республика, перешла к генералу Андресу де Санта-Крусу, потомку конкистадоров и Тупака Амару. Во время своего пребывания у власти он предпринял ряд мер, способствующих политической стабильности и экономическому росту. Он провел кодификацию законов и ликвидировал

внешнюю задолженность, поддерживал развитие здравоохранения и распространение образования. В правление Санта-Круса был проведен большой объем общественных работ: строились дороги и мосты, общественные здания и городские сооружения. Во внутренней политике генерал укреплял авторитарные и патерналистские элементы в системе власти.

В 1836 году его амбиции переросли границы Боливии: В июне 1835 года его армия вошла в Лиму. Он присвоил себе чин маршала и заставил перуанского президента Л. Орбегоса согласиться 28 марта 1836 года на создании Перуано-Боливийской Конфедерации. Формально, она состояла из трех суверенных штатов (Боливия, Северное и Южное Перу), возглавляемых президентами. Однако главы штатов Х.М.де Веласко, Х.Орбегос и Р.Эррера были только наместниками всемогущего маршала, объявившего себя наследственным протектором. Восстановление «империи инков» вызвало озабоченность у южных соседей Боливии. Аргентина и Чили отказались признать объединение и 11 ноября объявили войну Конфедерации. Армии маршала удалось отразить нападение войск Мануэля Росаса на Тариху. Окрыленный военными успехами протектор завершил юридическое объединение в мае 1837 года. Война с Чили оказалась губельной для маршала. 20 января 1839 года чилийский генерал Мануэль Булнес разбил армию Санта-Круса в битве при Юнгае. Потеря опоры привела к изгнанию протектора во Францию и восстановлению прежних границ к июню того же года. Два с половиной года спустя попытку восстановить Перуано-Боливийскую конфедерацию предпринял сподвижник Санта-Круса президент Перу Аугустин Гамарра, который выступил на Ла-Пас. 20 ноября 1841 года перуанская армия была разбита в сражении при Ингави.

Победивший в этом сражении генерал Бальвивиан в течение шести лет пытался укрепить республиканский строй. В 1847 году во время очередного политического кризиса его усилия пошли прахом. С приходом к власти в декабре 1848 года генерала Мануэля Исидора Белзу республика стала существовать только на бумаге. Основной опорой генерала стали войска и латифундисты, основным лозунгом которых было: «Ni producen, ni consumen». Несмотря на господство полунатуральной экономики, правительство Белзы всячески поощряло местную коммерцию. Именно в эпоху в стране были основаны торговые династии Пачеко и Армайю. Последние прибыли из Колумбии, заинтересовавшись перспективами горной добычи, основу которой по-прежнему составляли серебряные прииски. Генерал Белзу был непопулярен – против него было организовано свыше сорока заговоров. Тем не менее, он смог удержаться до августа 1855 года, а основанный им режим просуществовал еще два года под руководством его зятя генерала Жоржа Кордовы. В 1857 году у кормила власти его сменил гражданский президент Линарес, продолживший политику *laissez faire*. Спустя время спустя новый президент был вынужден вернуться к диктаторским методам правления, за что был свергнут генералом Хосе Марии Ачей. Этот диктатор растерял чью-либо поддержку к 1864 году, когда был свергнут объединившимися сторонниками Линареса и М.Бельзу. Однако результатами революции воспользовался не они, а комендант гарнизона Ла-Паса полковник Мариано Мельгарехо.

Победа над испанскими завоевателями и установление республики не облегчили участи индейцев, составляющих подавляющую часть крестьянства страны. Они по-прежнему трудились на латифундиях *чоло*, которые расширялись за счет общинных земель. Особенно широкий размах эта экспроприация приняла в годы правления М. Мельгарехо (1864-1871 гг). Благодаря ловкому лавированию и жестоким мер ему к началу 1865 года удалось окончательно устранить всех конкурентов в борьбе за власть. При М.Мельгарехо креольская аристократия окончательно укрепилась у власти, овладев главным богатством – землей. К началу XX века в руках 4.5% землевладельцев владели более чем 70% всех частных земель. Верхушку этой элиты составляли «пятьсот семейств», владевших поместьями свыше 10000 га каждое. Наиболее богатым из них считалось семейство Суарес, обладавшее 6.5 миллионами гектаров в департаменте Пандо. Ей удалось приобрести землю из расчета 10 сентаво за гектар пустующей земли и 1 боливар (боливийское песо) за гектар гевей. Основной фигурой в феодаль-

ной деревне того времени являлся *колоко* – крестьянин, отрабатывающий пользование клочком земли своим трудом, орудиями и скотом. Их ряды в 1886 году пополнились 300000 индейцев, лишенных своих общинных земель специальным правительственным декретом.

Внешняя политика М.Мельгарехо не отвечала долгосрочным интересам страны. Так, он не смог использовать в победу в Первой Тихоокеанской войне. Вместо того, чтобы закрепить границу в Атакаме по 25° южной широты, его дипломаты согласились признать полосу от Анд до океана шириной в два градуса к северу совместным владением Чили и Боливии. Помимо этого, за чилийцами были признаны права экстерриториальности и их предприятия были свободны от налогообложения. В 1871 году диктатор растерял кредит доверия латифундистов, был свергнут и убит. Несмотря на явные политические промахи, идея диктатуры оставалась очень популярна среди правящей землевладельческой олигархии. Не прошло и трех лет после свержения М.Мельгарехо, как его место занял генерал Даза, в общих чертах следовавший курсу своего предшественника. Боливии требовалась встряска, каковой стала Вторая Тихоокеанская война.

Социально-экономическая разобщенность страны сильно тормозили развитие общества и способствовали его дестабилизации: за 73 года независимости (1826-1899 гг.) в стране произошло не менее 60 переворотов и полусотни мятежей и переворотов и сменилось 9 конституций и 17 президентов, ни один из которых не ушел со своего поста по собственному желанию. Частая смена правительств Боливии порождена явлением каудилизма, столь свойственного Латинской Америке вплоть до XX века. В Боливии это усугублялось тем, что военная сила была основным источником сохранения власти Ла-Паса над периферией. Как грустно шутили жители столицы: «В год должно быть две революции, иначе что-то идет не так». Специфика использования вооруженных сил, как органа подавления политических противников и фракционной борьбы, не способствовали укреплению их боеспособности. Поэтому во внешних столкновениях Боливия часто терпела поражение. Исключение из этого общего правила составили только военные столкновения с Перу (1827-29 гг., 1836 г., 1841 г.), которые представляли собой больше гражданские войны и отражение вторжения армии буэнос-айресского диктатора Росаса в 1837 году. Последнее в большей степени не состоялось по политическим причинам.

Военные столкновения с Чили в 1838-39 гг. и в 1879-1884 гг. (Вторая Тихоокеанская война) окончились поражениями. Первая положила конец гегемонии Боливии в Перу, а вторая лишила страну селитряных копей Атакамы и выхода к Тихому Океану. Катастрофа стала поворотным пунктом в политической структуре республики. В ее результате стало ясно, что господство региональных олигархических клик не только тормозит развитие страны, но и ведет к ее территориальному расчленению. Следствием осознания этого факта стало возникновение политических партий, объединявших интересы различных элит Боливии. Так, в 1883 году возникла Либеральная партия, объединившая сторонников Линареса, в основном, городскую интеллигенцию и буржуазию. Через год не желавшие уступать власть серебропромышленники Чукисаки, и латифундисты создали Консервативную партию. Возникший политический механизм был настолько надежен, что за период 1884-1920 годы в стране произошел только один военный переворот. Консерваторам удалось сохранять монополию на власть в течение 15 лет. Внешне их господство выразилось в утверждении главного города серебряных копей Сукре (Чукисаки) столицей республики. При их правлении был проведен ряд несущественных реформ, главной из которых стало строительство железных дорог. Значительная их часть правительственных займов размещалась также на Лондонской бирже. В связи с этим главное место во внешней торговле страны заняла Великобритания и ее колонии. До конца XIX века главным экспортным продуктом республики оставалось серебро, снижение цен на которое привело к падению консерваторов. В течение многих веков – со времен конкистадоров до эпохи независимости, испанские власти и колонисты эксплуатировали недра Боливии, добывая исключительно драгоценные металлы Боливии. Реализации этой задачи было подчинен весь механизм

власти над туземным населением. Начавшийся с середины XIX века вывоз продукции лесных промыслов (хинной коры и каучука) постепенно приходил в упадок, не выдерживая конкуренции с более дешевым плантационным хозяйством Восточной Азии. Впоследствии, в начале XX века основные районы каучуконосов были захвачены Бразилией. Как уже отмечалось выше, в Тихоокеанской войне Боливия потеряла богатейшие в мире залежи селитры в Атакаме.

От банкротства страну спасло открытие олова. Его разработка связана с именем Симона Патиньо. Индеец по происхождению, он работал клерком на шахтах в Оруро. Патиньо удалось случайно приобрести выработанную серебряную шахту, в которой было найдено олово. Для его добычи он смог привлечь инвестиции из США и Великобритании. Через несколько лет его компания *Patino Mines & Enterprises Consolidated* была зарегистрирована в штате Делавэр, положив начало первой оловянной империи. Следом за Патиньо стали скупать оловянные рудники аргентинец австрийского происхождения Маурисио Хохшильд и семья давно осевших в Ла-Пасе колумбийских выходцев Армайю. С 1895 года резко возросла добыча олова в стране, что было связано с ростом мировой цены на него. Финансируя фирмы Патиньо, Хохшильда и Армайю которым со временем стало принадлежать большинство оловянных рудников в стране, британский капитал постепенно занял господствующие позиции в стране. К началу XX века олово стало главным предметом экспорта страны и заняло первенствующее место в ее экономике. С ростом горной добычи выросла иммиграция из стран Европы. Так, в Ла-Пасе возникла небольшая немецкая община, пополнявшаяся из года в год за счет искателей лучшей доли. Вместе с иммигрантами в Боливию проник иностранный, в первую очередь английский, капитал. Иностранные инвестиции осуществлялись в горную промышленность и строительство железных дорог. Первая ветка соединила Уюни и Оруро в 1887 году. Созданная в 1888 году *Antofagasta & Bolivia Railway Company* с правлением в Лондоне, к 1895 году соединила Оруро с Антофагастой в Чили. Через 13 лет рельсы дошли до Ла-Паса. Еще через пять лет вторая железнодорожная ветка соединила фактическую столицу Боливии с Тихим Океаном (Арикой). Как писал об этой ветке Дж. В. Файфер:

“Эта чилийская железная дорога, построенная на перуанской территории для Боливии английской компанией, позволяет за 24 часа проехать от Ла-Паса до Арики”.

Основное железнодорожное строительство в Боливии закончилось в 1917 году, когда была построена ветка Оруро-Кочабамба. Постройка железных дорог создала возможность вывоза цветных и редких металлов из страны. Процветание, порожденное экономическим бумом, охватившим весь мир, способствовало укреплению компрадорская буржуазии, которая требовала своей доли в пироге. Удачная рыночная конъюнктура на продукты боливийских недр, связь с иностранным капиталом и лучшее образование обеспечили ей победу.

Разгоревшаяся в 1899 году гражданская война быстро закончилась победой либералов. Ее внешним следствием стал окончательный переезд правительства и парламента в Ла-Пас: в Сукре остался только Верховный Суд. Пришедшие к власти под лозунгами свободы либералы представляли собой такую же олигархическую группировку, как и консерваторы. Их главное отличие заключалось в экономических интересах. За либералами стояли разбогатевшие во время бума владельцы оловянных рудников северного Альтиплано. При либералах до демократии было также далеко, как и при консерваторах, поскольку образовательный ценз лишал подавляющую часть боливийцев (до 97%) права голоса. Наиболее видным военным лидером либералов был генерал Исмаэль Монтес, избиравшийся дважды президентом страны в 1903-09 и 1913-17 годах. Его либерализм ничем не отличался от политики консерваторов: используя грубую силу, он согнал индейцев окрестностей озера Титикака и присвоил их земли.

В 1903 году республика не рискнула идти на открытый конфликт с Бразилией и по договору в Петрополисе уступила ей 189353 квадратных мили в Акри – часть бассейна Амазонки. В октябре 1904 года по договору о мире, дружбе и торговле Ла-Пасу пришлось отказаться от 46233 квадратных миль Атакамы в пользу Чили. Однако страна не потеряла надежды вновь выйти

к морю, поскольку статус провинций Такна и Арика на этих переговорах остался неопределенным. Через пять лет, в 1909 году, правительство либералов демаркировало границу с Перу и Аргентиной, уступив им, соответственно, 96527 и 65924 квадратных миль. Правда, в этих случаях боливийские власти только предъявляли претензии на эти территории, а эффективный контроль осуществляли правительства соседей.

Осознание лидерами консерваторов невозможности возврата к власти привело к переходу большинства из них в ряды либералов. Монополия одной партии на власть способствовала формированию олигархической верхушки боливийского общества – *роски*. Ее основу составили две группы крупных собственников – землевладельцы (бывшие консерваторы) и горнозаводчики (либералы). Они доминировали не только в политико-экономической жизни страны, но и задавали тон столичному обществу. В эту группу вошли богатые промышленники и купцы. Со временем в нее были допущены менеджеры иностранных компаний и банков, высшие правительственные чиновники и офицеры. Организационно они были объединены элитными клубами, разбросанными по всем крупным городам страны. К концу Первой мировой войны *роска* полностью монополизировала власть в республике. Ее лидеры традиционно ориентировались на Великобританию, несмотря на то, что под влиянием дипломатии последней страна в 1903-1909 годах была вынуждена пойти на колоссальные территориальные уступки.

В начале XX века страна стала превращаться в минерально-сырьевую базу индустриальных держав мира. В 1908 году Боливии был предоставлен Великобританией первый иностранный заем (500000 ф.ст.). За ним через два года последовал французский (1.5 млн. ф.ст.). В 1913 году правительство И. Монтеса получило еще 1 млн. ф.ст. от англичан. Однако волна иммиграции, направлявшейся в страны Южного Конуса из Европы, практически не коснулась страны в силу ее изолированного географического положения, неблагоприятного климата и слабого уровня развития капитализма. Этот этап хозяйственного развития Боливии не привел к существенным изменениям ее структуры и не сопровождался общим подъемом экономики. Сельское хозяйство продолжало оставаться на низком техническом уровне, а на селе господствовали феодальные отношения.

Нейтралитет Боливии в первой мировой войне вызвал экономический бум. Экспорт в воюющие страны вольфрама, олова, меди, висмута и сурьмы невиданно обогатил верхушку боливийского общества. В связи с военной конъюнктурой резко повысился даже сбор каучука (6000 тонн в 1917 году). Среди прочих олигархов особенно выделялись семейства *оловянных баронов* Патиньо, Хохшильда и Армайо, которые через *Banco Minero*, в котором преобладал американский капитал, вытеснили остальных конкурентов из оловянного бизнеса. За время войны приток капиталов из США резко возрос, и американцы постепенно вытеснили своих европейских конкурентов. Так, в 1922 году они поставили под контроль Национальный Банк Боливии, а компания *Стандард Ойл оф Нью Джерси* получила монополию на добычу нефти в стране. Через два года *Нэшэнэл лед компани* приобрела треть компании Патиньо и часть железных дорог. Эта экономическая победа была закреплена официальным вступлением Боливии в Международный оловянный картель, задачей которого было регулирование цен и объемов продаж олова в мире. Его работа оказалась неэффективной, поскольку Великобритания обладала собственным рынком сырья и не собиралась учитывать чужие интересы. Вследствие такой имперской политики Лондона монополии США оказались жизненно заинтересованы в контроле над боливийским оловом.

Изменение расстановки сил среди правящей верхушки страны привело к политическим изменениям и, в конечном счете, смене политической ориентации. В 1914 году на арене появляется новая сила – Республиканская партия, основателем которой стал Батиста Сааведра. Причиной ее возникновения стало разочарование широких слоев либералов в собственных лидерах, а также их капитулянтская внешняя политика. Не допущенная к власти мелкая и средняя буржуазия, отодвинутые на второй план офицеры и вечно недовольные городские

интеллигенты придали новой политической организации патриотически-националистический оттенок. При этом они не выдвигали никаких новых лозунгов, а только требовали смещения проворовавшихся чиновников-либералов. В партию вошли желавшие взять реванш остатки консерваторов. Они привнесли в ряды республиканцев дух патернализма и установили связь с земельной олигархией. Решающим для партии стало отношение горожан Альтиплано – *чоло* и олигархов – *роски*. Поскольку либералы широко пользовались поддержкой лондонских дельцов, Б.Сааведра стал искать внешнюю опору и нашел ее в США, подбиравшимися к недрам страны и предоставившими ей в 1917 году первый заем.

Несмотря на кажущую целостность, новая партия представляла собой конгломерат конкурирующих между собой фракций с различной идеологией, объединенных ненавистью к либералам и идеями национального величия. Причиной этого стала разнородность интересов различных слоев общества, поддерживающих республиканцев. Это иллюстрируется, тем, что один из левых радикалов будущий основатель компартии Густаво Наварро стал консулом в Генуе после прихода к власти республиканцев. Вместе с ним союзниками республиканцев стали Лига железнодорожников и региональные профсоюзы шахтеров. Внутри партии главными оппонентами Б.Сааведры были националисты Э.Силеса и социалисты Даниэля Саламанки. Все эти силы использовали ухудшение мировой конъюнктуры, связанное с мировым кризисом 1920 года. Ухудшение экономического положения *чоло* создало базис для новой революции, смявшей прогнивший режим либералов. В 1920 году с молчаливого согласия олигархии восставшие республиканцы свергли либеральное правительство Х.Г.Герры и положили конец 35 годам конституционного развития. Президентом страны стал Х.Б.Сааведра, который установил партийную диктатуру. Первые шаги Б.Сааведры, сблизившегося с *роски*, разочаровали многих его сторонников. Уже в январе 1921 года забастовали железнодорожники. Они заставили правительство пойти на уступки и принять рабочее законодательство. Для предотвращения дальнейших выступлений президент приступил к укреплению репрессивного аппарата. Для этого была создана специальная часть – карабинеры, в обязанности которой входили политический сыск и охрана президента. Несмотря на полицейские функции, они были вооружены как армейская часть винтовками и пулеметами.

1921 год ознаменовался нарастанием напряженности на западной границе, поскольку вновь поднялся вопрос о принадлежности Такны и Арики. Причиной такого неожиданного всплеска напряженности стали сугубо экономические причины, связанные с послевоенным мировым кризисом, сильно затронувшим интересы экспортеров сырья. Боливия в этом вопросе занимала двойственную позицию: с одной стороны, она пыталась сохранить дружеские отношения с Перу, а с другой получить выход к Тихому Океану. США пробовали оказать поддержку своему новому стратегическому союзнику, но натолкнулись на жесткую позицию Сантьяго. По предложению госдепартамента, в 1922 году стала работать четырехсторонняя конференция по разрешению этого конфликта. В связи с нарастанием военной напряженности Б.Сааведра, несмотря на протесты Франции, принял немецкого генерала Г.Кундта на должность главного военного советника. Его главной задачей было превратить боливийскую армию из преторианской гвардии *роски* в орудие экспансии. Появление группы прусских офицеров оживило деятельность немецкой общины и положило начало восстановлению позиций Германии в стране. Гонка вооружений и экономический кризис сильно ударили по экономике страны и стали причиной обращения в США за кредитами. Размещение второго займа на Нью-Йоркской бирже было связано с условием участия в оловянном картеле, подчинившем горную промышленность Боливии интересам монополий США. Это привело к снижению доходов *роски* и обнищанию трудящихся. Неудачная внутренняя и внешняя политика Б.Сааведры привели к его отставке с поста президента в 1925 году.

В январе 1926 году президентом Боливии стал политический оппонент Х.Б.Саламанки Э.Силес. Он опирался на молодых интеллектуалов и горнорабочих. Новый глава Боливии в

целом продолжил внешнеполитический курс своего предшественника, ориентируясь исключительно на США. Эта позиция была следствием финансовой зависимости Боливии от своего северного соседа. С 1917 по 1928 годы банки США предоставили Боливии займы на 68400 тыс. долларов и на их оплату уходило 65% всех доходов правительства Боливии. Наиболее крупными были займы развития *Диллона Рида* в 13.6 и 22.8 миллиона долларов, предоставленные в 1927 и 1928 годах. Большая часть этих миллионов была истрачена на вооружения. С 1912 года инвестиции компаний США в экономику Боливии выросли 11 раз и к началу Великого кризиса достигли 133 миллионов долларов. Это составило 90% всех иностранных капиталов в стране. Обслуживание большого внешнего долга Боливии потребляло треть всех бюджетных поступлений. Экономическая зависимость делала Вашингтон главным внешнеполитическим партнером республики. Государственный департамент оправдывал ожидание своего младшего партнера. В связи с ростом американских интересов в этой стране у Ла-Паса возникла надежда получить доступ к морю без применения вооруженной силы. В июле 1926 года США распустили конференцию по Такне и Арике, а 30 ноября 1926 года госсекретарь США Ф.Келлог в жесткой форме предложил в своем меморандуме передать обе спорные провинции Боливии в качестве компенсации за потерю Атакамы. Это было крупным политическим козырем в игре только что пришедшего к власти президента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.